

Хибинские страницы

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система г. Апатиты»

Составители: Л. К. Коновалов
Е. В. Полях

Компьютерный набор: Е. Б. Косушкина

Автор обложки: Г. С. Иванов

Дизайн и компьютерная вёрстка: ООО «Апатит-
Медиа»

Фото: Н. В. Смоляк, А. Я. Терехов, С. А. Хитров.
Из архива историко-краеведческой композиции
отдела декоративно-прикладного творчества
муниципального автономного учреждения
«Апатитского городского Дворца культуры имени
Егорова В.К.». (в тексте – фото из архива)
Из архива редакции газеты «Дважды два».

Ответственный за выпуск: А. С. Ермолина

Р6 кр Хибинские страницы: лит. альманах
Х 42 / МБУК ЦБС г. Апатиты ; сост. Л. К.
 Коновалов, Е. В. Полях. – Апатиты:
 «Апатиты-Медиа», 2012. - 204 с.

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система г. Апатиты»
благодарит за финансовую поддержку ОАО «Апатит».

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках альманах, ставший результатом многолетнего кропотливого отбора материала. Впервые собрано творчество наших земляков. Все они – люди разных поколений и профессий, общее – сердце, прикипевшее к суровому краю и Хибинским горам.

Огромная признательность вдохновителю идеи и активному участнику проекта Леониду Коновалову, неутомимой труженице в работе над изданием заведующей читальным залом центральной городской библиотеки Елене Полях.

Альманах украсили фотографии Николая Смоляка, Аркадия Терехова, Сергея Хитрова. Редкие снимки любезно предоставлены нашими читателями, сотрудниками отдела декоративно-прикладного творчества апатитского Дворца культуры Натальей Ермоленко и Маргаритой Момотовой, редакцией газеты «Дважды два».

Произведения опубликованы в авторской редакции.

Директор
МБУК ЦБС г. Апатиты
Альбина Ермолина

Оглавление

Олег Абросимов	6
Борис Аксёнов	8
Николай Бельских	10
Валерий Берлин	12
Полина Беспозванная	20
Александр Бондарев	26
Лариса Владимировна	28
Михаил Воскресенский	30
Александр Гутель	32
Александр Ежов	34
Ирина Елизарова	40
Николай Ефремов	48
Иван Жиганов	54
Александр Зараев	56
Александра Иванова	60
Евгений Каменев	62
Владимир Ковалевский	70
Татьяна Кондрашова	76
Леонид Коновалов	78
Леонид Коробейников	92
Павел Котляренко	96

Людмила Кузенкова	98
Ирина Куккер	102
Татьяна Лисовец	104
Виктория Малофеевская.....	108
Наталья Малофеевская.....	110
Римма Маркова	112
Светлана Машкина	116
Михаил Морошкин	124
Нелли Мышкина	132
Елена Неупокоева	134
Валентина Петрова	136
Владислав Пятовский.....	138
Светлана Родионова	140
Анатолий Садовников.....	148
Константин Свириденко.....	150
Виталий Секриеру.....	158
Александр Стрельников.....	162
(1972 – 2012)	162
Сергей Супиченко	166
Виктор Толокнов	168
Алёна Чемурова.....	174
Светлана Широкова	178
Елена Штурнева	186
Анатолий Щеглов.....	190

Олег Абросимов

Олег Эмануилович Абросимов родился в 1936 г. на ст. Княжая. В Апатитах живёт с 1964 г. Работал машинистом тепловоза в ЖДЦ ОАО «Апатит».

Автор книг «Земля моя Кольская» (2001), «В День Победы» (2010), «Была война» (2010), «Сказка о малыше-крепыше» (2011).

Всё ярче солнышко блестит

Весна на Север к нам пришла
И гонит зиму прочь,
И вместе с ней уходит мгла,
Короче стала ночь.

Всё ярче солнышко блестит,
И дни длиннее стали,
И мать-и-мачеха глядит
В местах, где снег убрали.

Ещё глубокий снег лежит
В лесах, пока прозрачных.
Под ним уже вода струит
Под корни елей мрачных.

Приятно слышать пенье птиц,
На Север прилетевших.
Тех презабавных озорниц
Заливисто свистевших.

И веет юга ветерок
Сырым, но тёплым духом,
И вверх с земли летит парок
Почти незримым пухом.

В полярную ночь. (Пл. Ленина). Фото из архива

Борис Аксёнов

Борис Константинович Аксёнов родился в 1947 г. в г. Обозерская Архангельской области. Живёт в Апатитах с 1972 г. Работал мастером телерадиоаппаратуры. Увлекается рыбалкой. Стихи пишет давно.

Апатиты

Светлый сон в паутине рябин,
Где закаты встречают рассвет.
Здесь стоит город мой Апатиты,
На планете такой он один.

А осенней прозрачной порой
Город, будто украшен цветами,
Склоны гор в ярких пятнах пред нами
Держат лёд неба свод голубой.

Ладно скроен по воле небес,
Но не Боги горшки обжигают,
Просто так ничего не бывает...
.. мчится поезд за окнами лес.

Я люблю возвращаться домой,
Побродив по российским просторам,

По полям, по лесам и угорам,
Испытав дождь, и ветер, и зной.
Город тихо заглянет в окно,
Поезд мягко подкатит к перрону,
Вот друзья подбегают к вагону -
Милый кадр из земного кино...

Белый город в ладонях Хибин,
Посмотри! Он с годами моложе.
Красотою осенних рябин
Я сражён! То на чудо похоже!

Прозрение

Во мраке ночи всё острее и ближе,
Глаза откроешь - не видать ни зги.
Днём не достать всё то, что ночь услышит,
И мысли Космос рвёт мои мозги.
Ночные звёзды падают в ладони,
Меня пронзает времени дыра.
Покоя нет,
Предчувствие погони...
Мешают сны,
 и детство, как вчера...
Увижу всё, что было и что будет
Прозренья час мне, кажется, настал.
И он, как топором, меня разрубит.
Не сон ли это?
 Или я устал...

Николай Бельских

Николай Дмитриевич Бельских родился в 1953 г. в пос. Мундыбаш Кемеровской области. Окончил Свердловский юридический институт. В Апатитах живёт с 1980 г. Работал в Апатитском ГОВД, прокуратурах г. Апатиты и г. Полярные Зори.

Увлекается авторской песней.

В 2009 г. записал диск «Солнце над Хибинами».

Солнце в декабре

Ночь полярная город накрыла,
Апатиты уснули во мгле.
Звёзды иглами льдинок застыли
Только кажется мне....

Солнце цепляет верхушки гор трёх сестер:
Айкуайвенчорр, Кукисвумчорр и Ловчорр.

В центре гор старший брат - город Кировск
Белым снегом засыпан до крыш.
День ночной - это тоже красиво,
Что ж ты милая, спишь...

Ведь солнце цепляет вершушки гор трёх сестер:
Айкуайвенчорр, Кукисвумчорр и Ловчорр.

День полярный наступит нескоро
Над хребтами крутыми Хибин
Друг для друга они опора,
Апатиты и Кировск как город один.

А солнце цепляет вершушки гор трёх сестер:
Айкуайвенчорр, Кукисвумчорр и Ловчорр.

Как узором, наш край предприятием вышит,
И само как красиво звучит.
Дорогая, проснись и услышишь:
«А-па-тит!»

Здесь солнце ласкает вершушки гор трёх сестер:
Айкуайвенчорр, Кукисвумчорр и Ловчорр.

Валерий Берлин

Валерий Эдмундович Берлин родился в 1944 г. в Туле. Окончил Белорусский государственный университет. На Севере с 1976 г. Работал начальником метеостанции в Лапландском заповеднике, заведовал отделом в Историко-краеведческом музее г. Апатиты. В Апатитах живёт с 1993 г.

Автор книг «Заповедник» (1981), «Гражданин Лапландии. Одиссея Германа Крепса» (1985), «Вершинам созвучное имя. К 95-летию О.И. Семенова-Тян-Шанского» (1991). Автор-составитель краеведческих книг «Апатиты» (2001), «Кировск. Страницы истории» (2006), «Апатиты. Старый, Новый город» (2006); в соавторстве с П. Будником написана книга «Спортивный город у подножья Хибин» (2007). Основатель, редактор и издатель краеведческого альманаха «Живая Арктика» (с 1996 г.).

Россия

Россия - поле васильков,
Ручей меня питающий,
Страна полуночных стихов,
И всех моих товарищей.

Ты неделима и горька
Земля моя полынная,
Отдавшая себя царькам
И проходимцам глиняным.

Ужель остыла на заре
Своей печальной юности?
Свечи огарок догорел,
Но не твоей же мудрости!

Голубою электричкой
По стеклу бежит мороз.
Свет мой – свечка,
Свет мой – спичка.
До Москвы две тыщи вёрст.

Скрипнет дверь,
Зелёной нотой
Разукрасив тишину.
Теплой печки позолота
Дарит таинство вину.

И шаги, узнать не силюсь,
Это шествует она –
Дней узнавшая немилость,
Подмосковная луна.

Тундры усталые плечи,
И негасимый закат.
Утро – а всё-таки вечер.
Камни – а всё-таки сад!

Что душе снегов наветы,
Частоколы сосен!
Из зимы дорогу к лету
Пробивают лоси.
В белом вихре ствол застонет,
В речке гаснут искры,
Мне же чудится, что тонет
Кто-то очень близкий.
И, сомненьями гонимый,
Вижу ход созвездий:
Вот уж март промчался мимо
По озёрной жести,
Вот Хибины обнажились
В полумраке красном,
Вот и ели распрямились,
Сбросив груз напрасный.
И в предчувствии рассвета
Гул лесной державы –
Из весны дорогу к свету
Пробивают травы.

Унылая пора! Очей очарованье!..

А.С. Пушкин

Осень – время вопросов.
Неоконченных взглядов.
По проторенным росам
Возвращаться не надо.

Всё, что было, то были,
Всё, что будет, то будни.
Вот и вас разлюбили –
Звёзды тоже ведь люди!

Помнишь небо в веснушках.
Духоту сеновала,
Сонно стонет кукушка...
Нынче – откуковала.

Стае разноголосой
Тишиной не напиться.
Скрылось солнце за остров,
Радость тоже ведь птица!

Ливни выбелят травы
И багряные листья.
Может быть, вы и правы –
Осень сердце очистит.

В синем дыме откосов
Пробивается озимь.
Осень – время вопросов,
Пушкин тоже ведь осень!

На клейких листьях замерла роса.
Мой посох тверд.
Взыскательны глаза.
Лесными сумерками время измеряю,
И с каждым шагом пульс земли сверяю.

Ручей мне руки серебрит привычно.
Струится речь – медвежья,
 волчья,
 птичья.

Замшелый берег – бастион дворца.
Путь без начала? –
 Нет, – путь без конца!

Отвес шиповника в руках красноколючий.
Делю я: жизнь и смерть, –
 На ветви и на сучья,
Полынь дымит, сверкает зверобой,
И я иду, мать-мачеха, с тобой.

В багряной лихорадке мостовых
Так хочется привычного тепла,
А дождь без разрешенья постовых
На красный свет летит из-за угла.

И что за назначенье сентябрей -
Без стука и без спроса приходите,
Стоять в тени витрин и фонарей
И равнодушно рвать свиданий нить.

А в памяти так чисто от ветров,
И дворники ругаются чуть свет,
И снова наша комната – метро,
Ведь на любом сеансе места нет

Музыканты и поэты

Небо звёздами звенело,
Море, полное длиннот,
Рыбакам усталым пело
Каватину лунных вод:

"Выньте старые кисеты,
Море - дом родной и гроб.
Музыканты и поэты
Об одно дырявят лоб..."

Стонут скрипки в пальцах леса.
Кто их этому учил?
За окном фугуют мессу
Литераторы-грачи.

Проклиная гарь эпохи
По аллеям январей,
Мчатся огненные отроки
Красногрудых снегирей.

Ре-минорное столетье
Обалдело от синкоп.
Музыканты и поэты
На одной шкале частот.

И глядит в бездонность утра
Баха, ищущий закат,
Разлиновывая мудро
Землю тенями преград.

И в сумрак уходит светило земное.
И гаснут зелёного леса обои.
Ржавеют закаты, дробятся созвездья –
За жаркое лето приходит возмездье.

Скажи, почему это так происходит? –
Раскрытые ноты не дарят мелодий,
Раскрытые руки не ищут объятий,
И небо в огромной свинцовой заплате?
И словно в запое деревья трясутся, –
И в чрево земное их слёзы несутся...

Кружатся, кружатся червонные кляксы.
Раскладывай книги, тетради, пасьянсы...
Всё необъяснимо, и путь бесконечен,
И необходимо прожить этот вечер!

Ворвёмся после зимней стужи
И сбросим шубы на крючок.
Шагами нашими разбужен –
Вздохнёт в будильнике сверчок.

Взорвётся газ, вспотеет чайник
И через полчаса вскипит.
Давай о прошлом помечтаем,
Пока уснувший дом молчит.

Смахнув оттаявшие слёзы,
Сажусь на старый табурет.
Варенье, пахнущее розой,
Горчит, как повесть наших лет.

И пьём мы, губы обжигая,
На целый мир совсем одни.
И замирая, зажигаем
Судьбы погасшие огни.

Полина Беспрозванная

Полина Владимировна Беспрозванная родилась в 1951 г. в Ленинграде. Окончила физический факультет ЛГУ. В Апатитах жила в 1975-1997 гг. Работала в Полярном геофизическом институте КФАН СССР, в Администрации г. Апатиты. Была членом ЛИТО «Хибины». В настоящее

время живет в Иерусалиме.

Автор книг «Тени на снегу» (1981), «Смальта» (1984), «Суглинок» (1990), «Будвейзер Господа Моего» (1998). Член Союза российских писателей.

И.Ф.

Мытарства скучные души,
Своё не признающей тело.
Постой, родная, не спеши
считать, что радость отлетела.

Смотри прозрачный тихий лес
осеннего исполнен света
и снег летит к нему с небес
залогом будущего лета.

Посветлело небо на востоке -
Сухо потемнели облака.
Наугад означенные сроки
Далеки пока.

Или рядом? Взмах руки над краем.
Снег искрится мелкою звездой.
Пахнет дымом, обмороком, раем.
Гололёдом. Вешнею водой.

Из цикла «Путевой дневник»

1.

London Eye

Вот она, обманка, тутти-фрутти.
Крутится и светится, и пахнет
радостно, наверное, деньгами –
пятый лот аукциона Сотби.

Тусклая, но чистая струится
Темза мимо сфинксов. Ну-ка, прыгни.
Два прыжка – и ты уже на воле,
на песчаной отмели отлива.

Ну же, прыгай! Но дрожат колени,
близится прилив и блещут спицы
чудо-колеса велосипеда.

2.

Шенсэн-до

подстриженный под камень куст и карпы
ленивые в беспамятной воде
луна луна луна
нокдаун

3.

Вороны здесь носастей, чем наши, а люди - наоборот.
Но зато улыбаются и кланяются друг другу.
Впрочем, и то, и другое – неважно и в свой черед
вылетает из памяти, как птицы к югу
улетают, чтобы вернуться - не туда, не затем,
с новою глупой песней - совсем другими
с той же смешной надеждой на встречу с тем,
кем не любимы.

4.

Planten und blomen

Бутылочных осколков днём с огнём
здесь не найдешь но пробки от бутылок
горят на солнце и болит затылок
и ты не понимаешь что потом.

И ты не понимаешь почему
непониманье это не волнует,
но машинально молишься Ему
сидящему в засаде одесную.

15 лет прошло, как мы расстались
без слёз и без обид,
притом что наш роман
без малого тянулся четверть века.
Что в памяти осталось? Горный кряж
за окнами,
пролив Иокоостровский -
распахнутым объёмом,
белый столп
над крышами теплиц на Белоречке...
И как однажды шли по спортплощадке
за первой школой и такое вдруг
сиянье началось... Ещё до кучи -
шиповник в июне и снегопад в июне,
да строчки, обращённые к тебе,
в тридцатилетней давности тетради:

*«...До чего ты красив на крахмальной салфетке восхода!
Вертикальны дымы, и земле параллельны дома.
Как ты думаешь, город, сходя постепенно с ума,
мы успеем ли в озеро смыться?
И сумеем ли смыть отраженьё?
Похоже, сторицей
бытию не воздастся,
сознание - увы - не при чём.
Нефелиновый хвост ураган задерет к небосводу,
в Расвумчорр упираясь плечом».*

Ну, зачем ты говоришь "мёртв"?
Ну, зачем ты говоришь "был"?
Разбросал народ цветы как ковёр,
И в последний путь его проводил.

Кто-то плакал, кто-то просто смотрел,
Как колышется живая стена,
Как цветут кругом цветы в сентябре,
И легенды про него вспоминал.

Ну, зачем ты говоришь "мёртв"?
Ну, зачем ты говоришь "был"?
Разбросал народ цветы как ковёр,
И в последний путь его проводил.

Столько спас он, а себя - не сберёг.
В одночасье отгорел как свеча.
Но хранится, как в золе уголёк,
В людях память о враче и печаль.

Чья-то память сохранит, чья-то – нет
Распахнувшихся небес окоём
И старуху, прошептавшую вслед:
"Помяни его во царстве Твоём..."

Ну, зачем ты говоришь "мёртв"?
Ну, зачем ты говоришь "был"?..

**Текст изначально был написан как песня по
просьбе Евгения Сенюрина, сочинившего музыку.*

**Больница в Новом городе. 1968 г. (Ул. Космонавтов, 3)
Фото из архива**

**Памятная доска Н. Нечаеву (Ул. Космонавтов, 3)
Фото Е. П. Акилова**

Александр Бондарев

Александр Григорьевич Бондарев родился в 1952 г. в Ростове-на-Дону. Окончил Ростовский педагогический институт. В Апатиты приехал в 1984 г. Живёт в Кировске с 1989 г. Работал педагогом.

Автор книг «Далеко от Москвы»(1998), «Сейды» (2001), «Круг света» (2002), «Тессеры» (2002), «Хибиниада» (2004), «Инферно» (2005), «Икар из Кукисвумчорра» (2007), «Поле Умецкого» (2007), «Ваши сиятельства» (2008), «Царь-камень» (2009), «Зимогоры» (2010), «Карандаши внарезку» (2010). Руководитель литературного объединения «Алаш».

Легенда об озере Ола

В древние времена жил в Хибинах старик Юдыч. Он охотился на диких оленей, ловил рыбу, тем и кормился. Его единственная дочь Ола хранила очаг в веже, шила из оленьих шкур одежду, собирала ягоды и травы. Она была красива как роза тундры – хрустальная сиверсия, свежа, как росиница, резва, как солнечный ветер. Её ласковый взор укрощал диких зверей. Однажды в ущелье Сержелла, сплетая венок из купавы, она повстречала двух прекрасных юношей. И молвил старший молодец:

- Красна девица, мы братья Кукис и Юкс. Кто люб тебе, тому станешь женой, а другому милой сестрицей.

Отвечала им синеокая красавица:

- Оба вы мне любы, да только я испрошу согласия тятеньки Юдыча, а зимой дам ответ.

На том они и расстались. Ей по сердцу пришёлся старший брат Кукис, но про то она ему не сказала.

Зимой, как и обещала, пошла Ола в Длинную долину, где жили братья Кукис и Юкс, да заплутала в снежной круговерти. Обессиленна она и пала на снежном поле. Пролилась горячей слезой несбывшаяся любовь и прожгла и снег, и землю, и камни, и стало на том месте озеро. Долго окликали её братья по имени, лишь эхо им вторило – О-о-о-ла. Прознали юноши о гибели Олы, да от горя и окаменели. Так по эту пору и называют лопари две горы Кукисвумчорр и Юкспор, а озеро - Ола. Свидетелями тому были небо да уставшие от вечности Хибины, застывшие в мудром молчании. Зимой, когда в белом вальсе беснуется снежная вьюга, ветры поют её имя – Ола.

Лариса Владимировна

Лариса Николаевна Владимировна родилась в 1934 г. в Ленинграде. В Апатитах живёт с 1963 г. Работала в тресте «Апатитстрой» и КНЦ РАН.

С 1986 г. пишет стихи, поёт.

Автор книг «Мечта живёт (1999), «Судьбою так загадано» (2004), «Ветка сирени» (2010).

Малиновые горы, малиновое небо.
Январские морозы, прекрасная пора.
Не выходя из дома, люблюсь я природой.
Крещенские проказы я вижу из окна.
Мне не бывает скучно полярной ночью долгой.
Картины разноцветных, холодных старых гор
Сменяют постоянно то появленье солнца,
Полярные сиянья, то ветра разговор.

Чиста прозрачная ночь.
И серп луны весёлый
Играет в хороводе ярких звёзд.
Блестящим серебром залиты горы.
Дыханье затаив, ты чудо ждёшь.
А прелесть тишины полярной ночи
Тебя волнует и чарует вновь.
Нельзя расстаться, невозможно бросить
Прекрасный край теперь тебе родной!

Осенняя песня

Шорох дождя, звон холодной капли
Нам за окном выбивают свой ритм.
И записать мне её захотелось
Грустную песню осенней поры.

Яростно, громко партию вихря
Пробарабанят и дальше спешат.
Прошелестят, точно шорох страницы,
Спрячутся где-то и снова молчат.

Скоро заря сквозь потоки и тучи
В окна заглянет и сны унесёт.
Мне бы уснуть, только дождик замучил,
Шум его тихий уснуть не даёт.

Сон прогоняет, волнует и дразнит,
И навевает печальный мотив.
Новую песню ветер играет,
И от неё уж не скроешься ты.

Михаил Воскресенский

Михаил Вячеславович Воскресенский родился в 1956 г. в Кировске. В Апатитах живёт с 1966 г. Окончил Кировский горный техникум. Работал на Центральном руднике ОАО «Апатит». Писать песни начал с 1989 г.

В 2007 г. записал диск «Всё будет хорошо». Член музыкального клуба «Дива».

Когда-то в этом городе

Пришла пора, бегут ручьи на Бредова, на Ферсмана,
На Фестивальной голуби летают выше некуда,
Застройки шлакоблочные, союз серпа и молота,
Когда-то в этом городе моя гуляла молодость.
Едва от снега вскроются простуженные улочки,
Форсят девчонки-модницы - коротенькие юбочки,
На шпильках туфли-лодочки, гуляй, пока молоденький,
Ах, девочки-девчоночки, ах, годы наши, годики.
А молодость моя, капель весенняя,
Легка под белым парусом без вёсел и руля.

Метут клеша широкие аллеи у "Полярного",
И курточки болоньи по моде сшили мамы нам,
В саду академическом танцует ветер северный,

С бантом, косою русою моя зазноба первая.
Тогда, бесспорно, лучшие в нас жили впечатления,
Магнитофон накручивал 100 миль до воскресения.
Качались звёзды яркие, звенела семиструнная,
И голос хриплый Вовочкин нам пел ночами лунными.
А молодость моя, капель весенняя,
Легка под белым парусом без весел и руля.

Север есть север

Над Заполярьем небо синевою рассвело
Дышится до головокружения
Солнце лучом простуженным
Греет зиме на зло
И такое положительное настроение
Нет здесь высотных домов
Этажей в тридцать
Ну так и что - весною зато
К нам слетаются птицы
...Горы, лес и озёра. Что ещё? И потом
...Мне нравится Крайний Север
...Я шагаю по светлым аллеям
...Мимо витрин и авто
.. .И ни о чём, и ни о чём не жалею...

Александр Гутель

Александр Викторович Гутель родился в 1970 г. в Мурманске. В Апатитах живёт с 1982 г. Окончил Российский государственный социальный университет. Работает в МСЦ. С 1987 г. активно занимается авторской песней. Записал диски «Истоки» (1998), «Лица» (2005). Член музыкального клуба «Дива».

Покоя нет

Я в почерневший снег и в грязь лицом,
Безумие бороться в этих дрязгах.
Зачем я не родился подлецом?!
Как мне остаться просто безучастным?

Покоя нет... Возня и толкотня,
Бесследье строк на лист ложится важно,
А все ликуют, все вокруг галдят,
Что мне порой из тела выйти страшно.

И тесно так, что и дышать нельзя,
И жизнь вокруг кипит пустою мыслью,
И одиночество идёт, тоской грозя,
Чтоб от бесчинства жизни не зависеть.

Пустое... Я зарылся сам в себе
Ни ненавидеть, ни любить не смею.
Качает мир, но он не колыбель,
А может, просто я бессилием болею.

*...возвращается боль, потому что ей некуда деться,
возвращается вечером ветер на круги своя...*

А. Галич

Разлетелась вся жизнь на осколки - кусочки:
Звоном вольным, увы, не о пол, не хрусталь.
Вдох и выдох небес – лишь скупые глоточки.
Рикшетом в душе отозвалась до боли печаль.

Пока время лихое ярмом не сгубило,
И ещё я бреду по безлюдной земле,
Дай же, Господи, сил защитить мне любимых
И чтоб мудрости свет не покинул бы даже во мгле.

Я б пошёл по воде до твоей плащаницы,
Пусть душе захмелевшей в трезвящий озноб,
Освяти хоть живой или мёртвой водицей -
Боль вернётся опять вязью лживых затасканных слов.

И в заре нет покоя и нет утешенья,
Только ночь. как топор. на святое чело.
Притаилась тоска – вот оно, продолженье
Боль, печаль и тревога... и всё..., а потом ничего.

Александр Ежов

Александр Александрович Ежов родился в 1945 г. в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт. В Апатитах живёт с 1981 г. Работает в ЦЭС «Колэнерго». Литературное творчество является своеобразным хобби.

Стали плакать сугробы,
Превращаясь в ручьи,
Рвут на мелкие части
Их лучи—палачи.

Солнце смалит нещадно,
Грязных впадин бока,
Прогрызая до пяток,
Даже сквозь облака.

Лишь в ночи передышка,
Как огромнейший зонт,
Земля прячет ледышку,
Прячет за горизонт.

И как добрая фея,
Как в былом декабре,
Она снегом повеет,
Обваляв в серебре.

Даст остыть, чуть окрепнуть,
И, пригладив бока,
Вспомнят молодость снега,
Как она дорога.

Как она безмятежна
В своё время была,
Жизнь казалась безбрежной,
А весной... утекла.

Запретны таинства души
В ней только правда, нету лжи,
Она всегда для нас загадка:
За год морщинка, в тридцать - складка.

Душа заставила творить
Вас, обручив с созвездьем Музы,
Какой пустяк земные грузы,
Коль нужно музыку любить.

Любить всю жизнь любовью пылкой,
Страдать под неземною пыткой,
Отдав волшебным пальцам власть,
Из клавиш извлекая страсть.

Сплетая звуки в паутину,
Нести звучащую картину
В пространство мира и искусств,
Рождая в людях бурю чувств.

Таранить джазом, в высь манящем,
То плачущим, то хохочущим,
То наглым, громким, с хрипотцой,
Чтоб Музу тормозить слезой.

Сняв с клавиш перст животворящий,
Услышать шёпот леденящий,
Как бы признание богов.
«Живой Волшебник, но каков!?»

Давайте делать паузы в словах...
А. Макаревич

Давайте делать паузы в еде,
Чтоб тело превратить в предмет искусства,
Чтоб даже в первозданной наготе
Оно рождало радостные чувства.

Давайте делать паузы в еде,
Чтоб частью быть красот земного царства.
Оставим предпочтение лишь воде,
Она источник жизни и лекарство.

Давайте делать паузы в еде,
Чтоб жить не для еды - для созиданья,
Чтоб даже в перекормленной среде,
Не замутишь излишками сознанья.

Давайте делать паузы в еде,
Чтоб мысли были лёгкими, как птицы,
Чтоб милосерднейшей богине Красоте,
Мы каждый день могли бы поклониться.

Сказка о собачке и её хозяине

Жил был мальчик Вася, и была у него собачка, весёлая, озорная и приветливая. Мальчик очень любил её, и она ему отвечала взаимностью. Вася не помнил, когда она появилась. Ему казалось, что они родились вместе, росли вместе, вместе баловались, вместе спали, вместе ели, гуляли и даже в школе были всегда вместе. Собачка была такая умненькая, что никогда себя на уроках не показывала, сидела тихонечко под партой, и её никто не замечал. Они были счастливы вдвоём, но никто из них об этом не догадывался. Просто жили себе и не тужили.

Мальчик вырослел, стали появляться другие интересы, появились новые соблазны. Как-то раз ему предложили сигаретку, и он не смог от неё отказаться. Едкий дым попадал в глаза, вызывал удушье и першение в горле, но мальчик, движимый стадным чувством, продолжал курить. Собачка, находясь рядом, тоже вдыхала дым сигарет. Он ей был так противен, что она впервые вдруг залаяла на хозяина. Но её мольбу мальчик не понял, даже прикрикнул и продолжал выпускать дым кольцами. Собачка искренне любила хозяина, поэтому через силу вдыхала сигаретный дым, а её глаза наполнялись слезами. Постепенно она привыкла к такой жизни и перестала обижаться на мальчика. Казалось, что их дружба по-прежнему крепка, но при виде новой сигареты, она как-то съживалась, а веселые глаза тускнели.

Однажды уже повзрослевший юноша оказался в компании приятелей, которые, усевшись за стол, достали стеклянную бутылку с пахучей жидкостью, разлили её по стаканчикам и выпили. Жидкость издавала такой зловонный запах, что собачке даже находиться рядом было тяжело. Она, не сдержавшись, устроила всем скандал, громко лаяла и не могла остановиться, потому что дышать ей было тяжело. Но юноша на неё прикрикнул, а потом достал сигарету и стал вновь выпускать сизые кольца. От такого коктейля собачке стало совсем плохо. Она перестала замечать хозяина и его приятелей, перед глазами сначала поплыл туман, а потом стали появляться обрывки смутных, непонятных видений. Потом наступило безразличие, сменившееся неестественной весёлостью. Хозяин вдруг превратился в милого человека, как в те далёкие счастливые годы детства. Это состояние

продолжалось недолго. Наутро собачке было дурно. Она отказывалась от еды и только жадно пила воду. С большим трудом, ослабленная, она пришла в себя, но хозяин ей уже не казался таким другом, как прежде. Он был груб и даже зачехоту отругал её. Так продолжалось несколько лет.

Постепенно собачка превратилась из радостного весёлого пса в унылую, худую дворнягу с облезшей шерстью и с потухшим взором. Сигаретный дым и зловонный запах распиваемой хозяином жидкости уже не казался ей противным. Наоборот, находясь с ним, в состоянии загула, собачка как бы выпадала из унылой, но уже трезвой жизни и на короткий период погружалась в атмосферу иллюзорно приподнятого настроения. Хозяин перестал её замечать, и она бегала за ним скорее по привычке, чем из привязанности. Да уж, какая тут любовь, если её прежний друг перестал её даже кормить, да он и сам был всегда голодный. Приходилось бегать по помойкам, чтобы проглотить хоть какие-нибудь объедки. Трезвая жизнь превратилась в ад, из которого не видно было выхода. Ей бы в самый раз уйти от своего хозяина, но светлая память о былой дружбе оставляла ей призрачную надежду. Но чуда не произошло. Организм собачки был так ослаблен, что при очередном возлиянии хозяина, она, надышавшись вредными парами и дымом, испустила дух. С вечера хозяин этого не заметил, а под утро он обнаружил её мёртвое тело. Она лежала грязная, исхудавшая возле его ног. Она не могла пойти на предательство даже на пороге жизни и смерти. Собачку звали Васькина Душа.

Ирина Елизарова

Ирина Рудольфовна Елизарова родилась в 1960 г. в Мончегорске. Окончила Московский институт стали и сплавов. Живёт в Апатитах с 1986 г. Работает в ИХТРЭМСе КНЦ РАН. Стихи начала писать с 2009 г. Произведения размещает в Интернете.

Ожидание

Заблудилось ты, счастье моё, затерялось,
Не дожидаться тебя, не дозваться –
Устала...

Ночь декабрьская мёрзлую чёрной рукою
Свет надежды на время взяла, иль
Украла?

«Всё не ново... Проходит... Это тоже пройдёт...»
Я с настойчивостью эти слова
Повторяю.

Ведь не вечна полярная спячка, будет март,
Верю, больше того – по приметам
Узнаю.

Дробной, талой и солнечной азбуки Морзе
Слышу "точки-тире" возвращения. Ждущим –
Награда.

Возвращайся же, счастье, ко мне блудным сыном –
Я обратно приму без обид,
Буду рада!

Прощание

Разрушается пространство
Потихоньку, незаметно.
Остаются на ладонях
Капли яда, горстки пепла.

Подмерзают наши струны,
Нет мелодий тех уж боле.
Замирает всё внутри
От отчаянья, от боли.

Опустело все в округе.
Изморозь цветы прибила.
Если счастье не вернётся,
Хорошо, что всё же было.

Сухоцветы на окошке
Не тревожат мою память.
Девять жизней, как у кошки,
Не дадут смертельно ранить.

Твой безмятежный сон,
Где чуть дрожат ресницы,
Где лишь небесный звон,
Где сны - ещё не птицы.

Чуть слышное дыханье,
Слегка дрожит улыбка.
Тревожно ожиданье,
Всё впереди так зыбко.

Ты тянешь палец в рот,
Миг сладкий продлевая.
Но рядом, у ворот,
Стоит Судьба слепая.

Не в силах отвернуть
Ни рук её, ни ношу.
Но ты - мой сын, тебя
Я никогда не брошу.

Всполохи

1

Где-то колдует зима на вершинах Хибин.
Варит метели, взбивает перины из снега,
Кружит над чаном, взметнув палантин.
Дым улетаёт сияньём до звёздного неба.

2

Ночью по зимнему небу бежали олени,
Сани по чёрному насту, а в санях подарки.
След от саней засиял, стал отбрасывать тени.
Детских подарков обёртки диковинно ярки.

3

Змеи, укравшие солнце, лениво ползут.
Солнца лучи жгут зелёное толстое брюхо.
Блеск чешуи рассыпает в ночи там и тут
Мать ледяных этих змей Змеевица-старуха.

Синяя птица Весны

Стало теплее, и влага апрельской капли
Мягко, настойчиво снег декабря растопила.
Спящая крепко мечта в скорлупе-колыбели
Створки ресниц осторожно слегка приоткрыла.

Это весна? И растаял в душе льда кусочек.
Солнечный луч постучался в закрытые двери.
Новорождённый и клейкий берёзы листочек,
Как приглашение на соловьиные трели.

То ли волнение, а то ли томление тревожит.
Ночи светлее, короче и долго не спится.
Вместе с пернатыми к нам прилетела, быть может,
Веры, Любви и Надежды заветная Синяя птица.

Вечер в Хибинах

Прощание от поздней осени
Пюют темнеющие просини.
Небес и облаков каёмка
Алеет полосую тонкой.

Над белыми макушками Хибин
Померкнул день, из всех - ещё один.
И солнце закатилось чинно
За кромку рыжим апельсином.

Сиянье севера на небесах
Струится изумрудно в облаках.
Луна всплывает желтым диском:
И далека и жутко близко.

Улетают стихи

Я писала стихи.
А они от меня улетали.
Голоса их тихи,
Улетая, они напевали:

"Божья коровка,
Улети на небо,
Там твои детки,
Кушают конфетки".

Да, они далеки,
И живут теперь жизнью своею,
Не догнать, хоть беги.
Я за них непрестанно болею.

Отпускаю их к вам,
Пусть летят над родительским кровом
Не обидьте их там,
Необдуманном взглядом и словом.

Божьей коровке
Не взлететь на небо.
Пусть будут, детки,
Сладкими конфетки.

Я – звук, дрожание тугой струны,
Натянутой, отчаянно зажатой.
Я – вид обратной стороны Луны,
Я – ароматный запах чая с мятой.

Я – свет холодный утренней звезды,
Скользкий тихо по оконной раме.
Я – странная никчемность лебеды.
Я – шёпот, зарифмованный словами.

Я – вздох протяжный где-то вдалеке,
Тоскующий о том, что невозвратно.
Я – след росы хрустальной на траве.
Я – образ, промелькнувший однократно.

Я – все и ничего, везде, нигде.
Во всём найдёшь и сразу потеряешь.
Я – без тебя и всё-таки - в тебе.
Ты это чувствуешь, ты это знаешь.

Лужа

Эту сказку придумали мы вместе с дочкой. Случилось у нас с ней такое настроение. Мы и сейчас её вспоминаем.

Жила-была Лужа. Обычная сырая Лужа, и она лежала на обычной дороге. Днём по дороге бегали дети. Они шлёпали по Луже босыми ножками, прыгали, смеялись, плюхались и дурачились. Лужа отвечала им таким же весельем! Она брызгалась, смеясь, выпрыгивала из себя и окатывала

шалунов. Она даже не замечала, какие синяки получала, как менялись её формы. Ведь она так любила детей, она им всё прощала. Иногда приходил какой-нибудь странный мальчишка, который присаживался на корточки и дарил Луже самодельный кораблик.

- Поиграй!

Мальчишка заглядывал Луже в лицо, обходил её со всех сторон, щекотал ее палочкой по бокам. Так непривычно было это доброе внимание! Лужа смеялась, мелкие морщинки покрывали её добродушную физиономию. Игры с детьми были просто чудесны, это было утешение в её жизни. Именно эти моменты хранили в памяти все её миллионы миллионов капелек.

Но не всё так было сладко в жизни Лужи. Увы, по дороге ездили машины. Они фырчали, с них капал бензин, масло или еще какая-то дрянь. Они были старые и не очень, они были молодые и наглые, развалюхи и вертлявые. У них были разные выражения лиц, а глаза у всех были холодные и стеклянные. Они важничали, они давили Лужу, расплющивали её, мяли, а она опять собиралась, скатывалась сама к себе. Она держала себя в руках, она была стойкой.

- В этой жизни надо быть абсолютно стрессоустойчивой! Выше сил испытаний не бывает! Она очень часто повторяла себе эти слова, отплёвываясь.

Проезжали велосипеды, их тонкие шины оставляли глубокие шрамы. Не видимые, но очень больные. Лужа волновалась, заглаживала своё дно, пыталась залечить, исправить, не стать хуже.

Иногда в этой дневной сутолоке она взглядывала на небо.

-Что там? Солнышко? Может, пригреет? Может, прибежит Солнечный Зайчик? Это лучшее из лучшего! Это радость жизни, это... это... Это слов нет!

Только какой Солнечный Зайчик обратит внимание на такую грязнулю. Вся попереезженная, растоптанная, взмученная Лужа оставалась посередине дороги один на один со своими мечтами.

День катился к вечеру, постепенно всё стихало, прохожие уже были редки, оставались только прогуливающиеся парочки, но от них было немного беды. Они почти не беспокоили Лужу. Дамочки не хотели намочить свои красивенькие туфельки. Они брезговали общением с ней. Галантные кавалеры держали их за ручку, и они перепрыгивали через Лужу.

Наступала ночь. Тихо-тихо. Только кузнечики стрекочут. Холодный туман собрался где-то рядом. Лужа совсем успокоилась, осела на самое дно вся дневная муть. Отодвинулись боль, тревога, страх. Лужа даже не заметила, как она от этого похорошела. Не просто похорошела, а стала совершенно другой! На её тёмной зеркальной поверхности появились звёзды! Антрацитовая гладь и серебряные искры... Принцесса! Даже Месяц ею любит.

А Лужа улыбалась и светила от счастья, но этого никто, кроме Месяца не видел. Скоро настанет рассвет, и румянец появится на её щеках перед новыми дневными испытаниями.

Вот такая вот коротенькая сказочка.

Моя дочка сказала, что такая Лужа есть в каждом из нас. Может это Душа? Надо только, чтобы в ней наступал мир и спокойствие, и тогда обязательно в ней появятся звёзды.

Николай Ефремов

Николай Трофимович Ефремов родился в 1948 г. в с. Митин-Враг Горьковской области.

В Апатитах живёт с 1972 г. Работал в Отделе метрологии, ИХТРЭМСе КНЦ РАН. Участвовал в работе ЛИТО «Хибины». Член Оргкомитета Рубцовских чтений в Апатитах. Автор-составитель сборника «На вершине земли Кольской»(2006).

Н. Рубцову

Крещение, шутки, смех – той ночью.
И невдомёк...
Звезда погасла, смежил очи –
Наш «огонёк».
Ты не был робким, не был тихим –
Пой, вьюга, пой...
В её мольбах, напевах диких –
Характер твой.
От лютой стужи, злого ветра –
Сверкнёт слеза.
Россия, Русь, храни поэтов! –
Печаль в глазах...
Но краток миг полночной бури –
Встаёт рассвет.
В душе февральские лазури –
В душе твой след...

Ты говоришь мне: «Почаще пиши,
как там, в далёкой холодной глуши...»
Взгляд упирается в горные кручи,
низкое небо, свинцовые тучи.
Город, прошитый суровыми нитями буден,
немногословен, немногочелюден.
Город, продутый ветрами насквозь,
город, омытый дождевыми слёз...
Тяжко вдыхаю я воздух чужбины.
Слякоть осенняя. Кировск. Хибины.

Литературное объединение «Хибины»

Литературное объединение «Хибины» при газете «Кировский рабочий» внесло свой вклад в развитие культурных традиций Кировска и Апатитов.

У истоков создания «Хибиногорского рабочего» стояли известные впоследствии поэты и писатели – Анатолий Горелов, Александр Решетов, Лев Ошанин. И если А. Решетов по праву первый поэт Хибиногорска, то Л. Ошанин - создатель и редактор «Литературной страницы» газеты. Первый номер её вышел 1 января 1934 года. «Литературная страница» писала о рассказе Вегешева "Парторг Крюков и его подшефные", о стихах Жохова, Ошанина.

В это же время начал работать творческий актив при «Литературной странице», создавались самодеятельные кружки «с целью выявления новых литературных кадров».

*«Стоит гора Кукисвумчорр
В снегах с растительностью хилой.
Не устоишь ты, старина,
Пред нашей молодой силой».*

Так писал в газете чернорабочий апатитового рудника, начинающий поэт Павел Якубовский.

«Литературная страница» № 3 1934 г. рассказывала о произведениях учащихся под заголовком «Юные писатели юного города».

Можно условно выделить три периода литературной жизни газеты и литобъединения. До середины пятидесятых годов первый период можно назвать «газетным», поскольку книг местных авторов не было издано.

В послевоенные годы литературное объединение начинает полноценно работать. Вероятно, тогда оно и получило своё название. Члены ЛИТО того периода почти все были или внештатными сотрудниками газеты, или её активными корреспондентами.

В 1950-60-е гг. в работе ЛИТО участвовали - Владимир Михеев, Николай Гудовский, Иван Углев, Владимир Зорин, Александр Марченко, Василий Орищенко, Василий Неронов, Геннадий Ходько, Владимир Камягин, Инна Зданевич, Иван Морозов и другие.

Начинают издаваться книги, в которых печатают хибинских литераторов - «Полярные зори» (1957), «Земля Кольская» (1958). Кировчанин Николай Гудовский выпускает первую книгу «На Севере дальнем».

Одним из центров культурной и литературной жизни Хибин становится Кольский филиал АН СССР. Молодёжь КФАН, со времени переезда в 1969 году редакции газеты из Кировска в Апатиты, составляла ядро литобъединения «Хибины».

Расцвет литературного объединения приходится на 70-80-е годы. Это время создания Мурманской писательской организации (1978), когда у руководства организации и Областного литобъединения стояли известные наши писатели и поэты – Борис Романов, Виктор Тимофеев, Виталий Маслов, Владимир Семёнов, Владимир Смирнов. При их активном содействии вышли в свет книги наших земляков и коллективные сборники.

Члены ЛИТО участвовали в работе Областного литобъединения, в областных совещаниях молодых и начинающих литераторов. Устраивались выездные творческие семинары с участием ленинградских литераторов - шефов Хибин.

В 1979 г. в связи с 70-летием со дня рождения Александра Решетова редакция учредила ежегодную литературную премию его имени. Она присуждалась за лучшие поэтические произведения, посвящённые Хибинам и их людям. Первым лауреатом в год 50-летия газеты стал поэт Виктор Толокнов.

«Кировчане и апатитчане, пишущие стихи и прозу, регулярно собирались по вечерам в редакции и учились друг от друга литературному мастерству. Хвалили мало – больше неллицеприятно критиковали» - вспоминал прозаик Игорь Тучкин.

В 70 – 90-х годах в работе ЛИТО принимали участие: Анатолий Кузьмин, Анатолий Коршунов, Игорь Давиденко, Борис Кошечкин, Леонид Фролов, Михаил Морошкин, Роман Кравченко-Бережной, Борис Колодешников, Юрий Ушаков, Светлана Родионова, Михаил Костоломов, Полина Беспрозванная, Римма Маркова, Александр Волохонский, Ольга Шемановская, Николай Миронов, Виктор Якунин, Николай Князев, Валерий Берлин, Эльвира Меньшикова, Константин Свириденко, Таисия Рожинова, Марина Гончарова,

Андрей Камуз, Александр Бондарев, Валентина Петрова, Галина Лукичёва, Владимир Ващенко, Елена Румзис – это далеко не полный список.

В ЛИТО «Хибины» было немало ярких, самобытных поэтов и писателей.

К середине 90-х годов ЛИТО фактически прекратило своё существование.

Р.С. Историей литературного объединения «Хибины» до сих пор не занимались. Заметки, написанные к 80-летию газеты «Кировский рабочий», не претендуют на полноту исследования.

Дворец культуры строителей. 1963 г. Фото из архива

*Дворец культуры строителей. 1965 г. (Ул. Ленина, 24).
Фото из архива*

*Дворец культуры имени Егорова В. К. (Ул. Ленина, 24) 2012 г.
Фото Н. В. Смоляка*

Иван Жиганов

Иван Юрьевич Жиганов родился в 1987 г. в Апатитах. Окончил Хибинский технический колледж филиал СПГУ. Работает в АФ ОАО «Мурманоблгаз». Кандидат в мастера спорта по пауэрлифтингу.

Стихи начал писать с 18 лет. Автор книги стихов «Полёт над облаками» (2011). Член

литературного клуба КФ ПетрГУ, клуба «Плитк@».

Я подарю тебе рассвет,
Не говори мне только «нет»,
Не говори мне, что нельзя
Коснуться губ твоих любя.

Не говори: «Не верю снам».
В них ты приходишь по утрам,
Открыв бесшумно, тихо дверь,
В них только ты, прошу, поверь.

Поверь, что солнце даст лучи.
Сменив свет огненной свечи,
Лицо омыв своим теплом,
Смеясь, лаская за окном.

Рассвет возьми мой навсегда,
Скажи мне просто слово «да»,
И ливнем поцелуев я
Умою всю тебя, любя!

Глаза умеют говорить

Глаза умеют говорить,
Кричать от счастья или плакать,
Глазами можно ободрить,
С ума свести, пуститься в драку...

Словами можно обмануть,
Глазами - это невозможно.
Во взгляде можно утонуть,
Если смотреть неосторожно...

Не знают устали глаза.
Что видят всюду, то внимают.
Пусть не коснется их слеза,
Лишь счастьем пусть они сияют.

Их взгляд, как меч, пронзает всё,
Они - как древний врачеватель,
Они - с душою заодно,
Так сотворил их наш создатель.

Когда душа любви полна,
Глаза загадочны, как вечность,
В них счастья светится волна
На море жизни безмятежной.

Александр Зараев

Александр Дмитриевич Зараев родился в 1950 г. в Тульской области. На Севере с 1965 г. В Апатитах живёт с 1968 г. Работал в тресте «Спецстроймеханизация», в ЖДЦ ОАО «Апатит». Стихи пишет с 17 лет.

Автор книг «Зоопарк» (2010), «Сказка про Емелю-молодца, удалого кузнеца, о его делах сердечных и об очень важной встрече» (2011).

Чему завидую, чего бы я хотел:
Запретного плода вкусить я не успел,
И речь вести о таинстве открытий
Я не могу - нет опыта событий.

Мне не успеть уже за ветром в парусах,
За скрипом вёсел в музыке уключин,
Но как хотел бы, как хотел бы - ах!
Я просолиться пеною колючей.

Работа для мужчин - на жизнь права,
Но не кичись собой - пустое дело.
Владеть собой, как лодкой на волнах
Рукой умелой!

Когда есть деньги, сто рублей - не счёт!
Когда их нет, тогда и рубль - находка.
И человек, который отдает,
В сто раз важней берущего за глотку.

Снимаю шляпу пред лицом судьбы,
Я не сторонник ветреных наитий,
Стремление узнать, понять, пройти -
Вот путь открытий.

Я век коней хочу вернуть:
Их бег в неукротимой сече,
Пусть ветер им по мордам хлещет –
Назад их бег не повернуть.

Лавина тел - какая стать и смоль!
Какие поршни гонят кровь по жилам!
На спинах их вскипает соль
От скачки бешеной по нивам.

Но вспять табун не повернуть,
Под небом нет им равной силы.
Он с ветром бьется - грудью в грудь,
Как могут только исполины.

Земля дрожит от боя ног,
Но нет в ней толики сомненья:
Так мать заботливая ждет
Детей желанных возвращенья.

Опережая эха гул -
Едва ль оно проворней бега -
Как призрак явится табун,
Дымясь туманами победы.

Как мне хотелось бы на вас
Похожим стать и вашим братом,
Чтоб с вами быть и разделять
Стихии чувств со всем размахом.

В потоке тел одним порывом,
Сплочённых волею единой
Я, конским запахом пропитан,
Лечу, как смерч по древним плитам.

Тогда б позволил я себе
Стать равным среди своих кумиров:
Ведь кровь одна у нас у всех –
По крови мы неразделимы.

Лошадки! Как вас не любить!?
Самоотверженность и честность
В крови сердец и ног лихих –
А это свойства человечьи.

*Эх, зимушка зима - зима снежная была! 1972 г.
Фото А. Я. Терехова*

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Александра Иванова

Александра Максимовна Иванова родилась в 1946 г. в с. Козлиничи Волынской области на Украине. Окончила Луцкий педагогический институт им. Леси Украинки. В Кировск приехала в 1966 г. Работала педагогом. Жила в Апатитах в 1979-2009 гг., в 2010 г. вернулась в Кировск. Стихи пишет с детства.

Заблудилось облако в Хибинах,
Некому то облако подвинуть,
И дрожит беспомощно такое
Облачко-малютка дождевое.
Ветер залетел в ущелье лихо,
На ладони облако взял тихо.
И уже, смотрите, над горами
Облако несётся парусами.
Как корабль, Хибины величавы,
Песнь поют про трудовую славу,
Про людей, что горы покоряют,
Камень плодородный добывают.

Радуется облако, хохочет,
Дождиком полить на землю хочет,
Чтоб цвели цветы в долинах наших,
А Хибины были ещё краше.

Я люблю этот край морошковый,
Про Хибины твержу – мои,
Не беда, что пурга за окошками,
Что совсем не поют соловьи.
Здесь долины такие – засмотришься,
Не сказать про озёр красоту.
Ночь всю зиму, ей, видно, так хочется,
День всё лето стоит на посту.
Красоты здесь сиянье несказанной,
В тундре ягель, олени стада,
Кто увидел хоть раз
Край наш северный,
Не забудет его никогда.
Я люблю этот край морошковый,
Здесь живут дети, внуки мои,
И виски уж давно запорошены,
А в душе всё поют соловьи.
Я люблю тебя, край морошковый!

Евгений Каменев

Евгений Арсениевич Каменев родился в 1934 г. в Петрозаводске. Окончил Петрозаводский государственный университет. В Хибинах живёт с 1957 г. Работал в Хибиногорской геолого-разведочной партии Мурманской экспедиции, в КНЦ РАН. Автор более 100 научных трудов. Кандидат геолого-минералогических наук. Заслуженный геолог РФ. Награждён орденом Трудового Красного Знамени. Почетный гражданин г. Апатиты.

Н. Широкин – первый исследователь Хибин *(отрывок из книги «Имена геологов на карте»)*

ШИРОКШИН Николай Васильевич - геолог, капитан Корпуса горных инженеров. После окончания Горного кадетского корпуса (Петербург, 1827) работал в Архангельской и Олонецкой губерниях. В июле-сентябре 1834 года обследовал южную часть Русской Лапландии («Геогностический обзор берегов Кандалажской губы и Белого моря до города Кеми в Архангельской губернии», 1835).

(Энциклопедия Кольского края)

Министерство финансов выделило капитану Широкину на экспедицию в Лапландию три тысячи рублей - сумму по тем временам немалую, но кто знает, какие неожиданности могло преподнести предстоящее путешествие в неведомую северную страну. Впрочем, слово «путешествие» применительно к экспедиции Широкина не вполне подходит, хотя бы уже потому, что никакого «пути» из начального пункта старинного поморского села Кандалакши вглубь Русской Лапландии не существовало; еле заметные пешеходные тропы, связывающие редкие почтовые станции - Зашеек, Экостров, Разнаволок - были лишь капиллярами, вливающимися в труднопроходимые водные артерии - порожистые реки Нива и Кола.

«Почтовый тракт» давно был освоен купцами-судовладельцами и рыбопромышленниками, наёмными работниками-покрученниками из Онежского и Кемского уездов. Начиная с марта и весь апрель, кто в одиночку, другие - группами, пешком или в керезжах (нечто среднее между санями и лодкой, служащее для перевозки людей и грузов оленями), сопровождаемые лопарями, устремлялись они на заработки. Путиная продолжалась до глубокой осени, поэтому весь скарб - тулупы, топоры, сети, хлеб и медные гроши - всё приходилось тащить на себе.

Скорбным был этот путь. Для многих обратного пути не существовало.

Нас же интересуют свежие впечатления столичного жителя о природе окраинной области России, о людях, её

населяющих, их быте, занятиях и облике, наконец, самые ранние, а потому свободные от стереотипа, упоминания о Хибинах. Итоги 4-х месячной Кольской «робинзонады» уместились на нескольких десятках страниц. Краткость изложения и новизна суждений дают мне повод не удаляться слишком от широкинского оригинала.

Как же встретила Лапландия одного из первых своих исследователей?

Суровый климат, убогая растительность, обилие рек, озёр, болот и вовсе бесплодная почва лишают и без того немногочисленное население (тогда на Кольском полуострове проживало около пяти тысяч человек) необходимых потребностей жизни. Хлебопашество, успех которого зависит раньше всего от почвы и климата, здесь совершенно невозможно.

Общение с карелами, населяющими территорию к югу от Полярного круга, и лапландцами - аборигенами полуострова, обнаруживает сходство их языка и облика, посему *«оба сии народа составляют одно поколение, хотя образ жизни и некоторые обычаи различают их. Карелы имеют постоянную оседлость, хотя и в малом количестве семейств; лопари же, напротив, народ кочующий. Характер народа много заимствует от страны обитания: холодный, угрюмый нрав лопарей и карелов отражается во всех поступках. Уже давно озарённые светом христианского исповедания, они и поныне сохраняют в памяти много суеверных преданий, поверий старины и язычества. Полные мрачных тайн, и поныне признают они несомненным существование двух духов - гор и вод, ещё и поныне верят,*

что есть избранные любимцы сих духов, ценою души своей получившие силу и власть над людьми».

Более всего они промышляют кормовыми оленями, которых содержат во множестве. Другого скота не признают. Рыбная ловля и звериный промысел - немалая статья дохода местных жителей. Шкуры диких олений, медведей, лисиц, песцов, белок и выдр они продают русским поморам или через них сбывают в Архангельск вместе с избытком рыбы и дикой птицы.

Лопари обыкновенно «малого роста, но широки в плечах и довольно стройного стана; лицо продолговатое, нос правильный и почти все черноволосы. Не взирая на образ жизни бедной, исполненной тяжких трудов и опасностей, они вообще здоровы и крепкого сложения», — такими предстали перед Широшкиным коренные обитатели Лапландии.

Нам еще предстоят частые встречи с аборигенами «Хибинских тундр», с некоторыми из них мы познакомимся ближе, а теперь обратимся к Хибинам, какими их увидел Широшкин-геолог. *«Черепом Земли», почти повсюду обнаженным и разрушенным, представились ему хибинские скалы. «Отторженцы их нагромождены у своего начала, либо снесены в долины, образовавшиеся, кажется, вследствие сего же самого разрушения».*

К этому бесспорному наблюдению от себя добавлю, что современный горный рельеф Хибин и теперь формируется при непрерывном противоборстве двух стихий. Внутренние силы планеты стремятся отторгнуть, выдавить из своей древней оболочки возникшую более трёхсот с половиной миллионов

лет назад «доброкачественную опухоль» - хибинскую интрузию, гигантское новообразование, корнями уходящее в мантию Земли. Внешние же агенты - вода, ветры, перепады температур - делают противоположную работу, разрушают «растущие» горы, пытаются сравнять их с поверхностью Земли. В этой неравной извечной борьбе перевес на стороне «утробных» сил, поэтому горы растут быстрее, чем разрушаются. Правда, процесс этот в нашем обыденном представлении происходит ничтожно медленно (сравните сотни миллионов лет с продолжительностью жизни человека!) и за те полтора столетия, которые отделяют нас - современников - от первой встречи с Хибинами, ощутимых перемен в их высоте не случилось.

«Я не мог определить высоту сих гор, не имея барометра, которого, быть может, нельзя было бы и сохранить в путешествиях, совершаемых более пешком по топким, обширным болотам и очень редко через озера, - сожалеет первопроходец. - Путешествия сии особенно были затруднительны при наблюдении гор крупных и высоких, каковы Хибины-тундры; чтобы достичь вершины их, нужно употребить довольно времени и усилий. Впрочем, если высота предела вечных снегов, зависящая от многих обстоятельств, кроме географической широты самого места, в настоящее время и не может определять высоты Хибинских тундр, то по крайней мере можно иметь о ней приблизительное понятие: высота снежных гор Норвегии, почти под одним градусом северной широты с горами озера Имандры, простирается до 1060 метров».

Широкшин хотя и «на глазок», но довольно правильно оценил высоту «крыши Хибин». Но ошибся в другом: *«Хибины-тундры покрыты вечным снегом»* Вечного снега в Хибинах не было ни тогда, как нет его и в наши дни. Неточность эту объяснить можно просто: маршрут Широкина заканчивался глубокой осенью, когда на Хибины *«11 сентября (по новому стилю—24 сентября) выпал глубокий снег, заставивший меня возвратиться»*.

Любопытно другое. Наш дальний предшественник, который и тысячной доли того не знал, что сегодня нам известно о Хибинах, сделал правильный вывод о составе и происхождении горных пород: *«Хибины-тундры, состоящие главнейше из пород амфиболовых с малым участием гранито-гнейса, как бы им подчиненного, представляют формацию гранито-сиенитовую.. Совершенное отсутствие органических тел и пород обломочных в горах обследованного пространства заставляют почитать их первозданными. Но как определить относительную древность пород, их составляющих? Как разделить их на те группы, из которых бы каждая представляла одно целое или систему пластов без заметного перерыва в своем качестве или во времени происхождения? Поистине, это затруднительно»*.

Из полезных ископаемых, кроме серебра, Широкшин наблюдал слюду-мусковит (*«...она составляла прежде предмет особенной промышленности; ныне же ломка оной оставлена или добывается она крестьянами в малом количестве для их домашней надобности»*), плавиковый шпат и аметист (между селением Кашкаранцами и рекой

Варзугой «на середине сего расстояния в невысокой горе, называемой «Кораблем», она <гора> особенно примечательна многими пустотами с кристаллами аметиста. Хотя сии кристаллы и не крупны, но довольно высокий и ровный цвет аметиста, равно и количество, в каком он здесь находится, может быть увенчали бы полным успехом особую разведку для отыскания ценных кристаллов его»).

Одна только фраза у Широкина огорчает: «Металлоносность здешних гор вообще не заслуживает особенного внимания, хотя и замечается во многих местах». Но мы совершили бы еще большую ошибку, чем наш славный соотечественник, если бы упрекнули его в поспешности этого, теперь мы знаем, глубоко неверного вывода. Проще сказать, понадобится ещё столетие, чтобы созрели условия для ошеломляющего открытия.

Первое здание-сооружение на АНОФ-2. Фото из архива

Тик-Губа, пос. Геологов

Владимир Ковалевский

Владимир Павлович Ковалевский родился в 1944 г. в Кировске. Окончил Ленинградский кораблестроительный институт. С 1967 г. работает в КНЦ РАН, сначала в Горном институте, а с 1974 г. в ИХТРЭМСе в области защиты интеллектуальной собственности.

Занимается поэтическим переводом с английского языка с 1985 г.

Автор книги “Искрящейся мысли течение” (1998). Произведения размещает в Интернете. Член лито «Алаш».

К поэзии

Как выпивоха, алчущий вина,
Ищу в тебе, поэзия, забвенья.
Позволь испить мне чашу вдохновенья,
И радость жизни ощутить сполна!

Тост за женщин

За тех, кто может в одночасье
Лишить нас воли и пленить,
Кто может подарить нам счастье
И равнодушием убить.

За тех, кто в трудную минуту
Способен руку протянуть,
Кто может необычно круто
Всю нашу жизнь перевернуть.

Кто вызывает восхищенье,
В ком жизни суть заключена,-
Её исток и продолженье
Во все земные времена!

Переводы

В. Шекспир

Сонеты

СОНЕТ 30

Когда на суд безмолвных размышлений
Я выношу дела минувших дней,
То вижу цепь бесплодных увлечений,
И жаль мне славной юности моей.
И вот тогда я слёзы лью неволью
О тех друзьях, что сном могильным спят,
О той любви, что ранила так больно,
О многом том, что не вернуть назад.
И я тогда могу без колебаний
Вести моим былым несчастьям счёт –
Печальный счёт оплаканных страданий,
Который не оплатишь наперёд.

При мысли о тебе лишь, милый друг,
Проходит горечь всех утрат и мук.

СОНЕТ 73

То время года ты во мне найдёшь,
Когда теряют ветви свой наряд,
От холода испытывая дрожь,
И птичьи хоры больше не звучат.
Во мне ты видишь уходящий день
В тот час, когда уж догорел закат;
Его поглотит вскоре ночи тень, —
Подруга смерти довершит обряд.
Во мне ты видишь свет того огня,
Что молодость когда-то разожгла;
Но тлеют угли, пламя хороня,
И скоро искры поглотит зола.

В любви ты то стремишься замечать,
Что можешь безвозвратно потерять.

СОНЕТ 77

Подметит зеркало, как красота тускнеет,
Часы — помогут время ощутить,
Страницы чистые игру ума сумеют
Однажды в книгу знаний превратить.
Морщинки на лице в зеркальном отраженье
В могильный мрак помянут заглянуть;
Покажет ход часов, ворующих мгновенья,
Как время в вечность совершает путь.
Доверь бумаге то, преодолев сомненья,
Что время неспособно удержать;
Живого разума запечатлев творенья,
Готовься мысли новые принять.

На записи бросай почаще взгляд, —
Они пылливый ум обогатят.

СОНЕТ 116

Я не хотел бы разлучать сердца,
Стремящиеся к брачному союзу.
Любовь должна быть стойкой до конца,
И прочными – супружеские узы.
Любовь – маяк, незыблемый всегда
На жизненном бушующем просторе;
Она – как путеводная звезда
Для корабля, блуждающего в море.
Любви шутом у Времени не быть!
Пусть серп его изменит облик милый,
Оно любовь не сможет изменить
Ни год спустя, ни на краю могилы!
Коль ошибаюсь я, признать готов,
Что нет любви, как и моих стихов.

СОНЕТ 147

Моя любовь – болезнь. Её лечение,
Увы, не в излечении состоит,
А в том, чтобы продлить мои мученья,
Как требует любовный аппетит.
Мой разум – лекарь, но к его советам
Невосприимчив оказался я;
Он замолчал, и понял я при этом,
Что равносильна смерти страсть моя.
Ума лишённый – я опасно болен,
Покоя нет измученной душе;

Разумно изъясняться я не волен –
Нет смысла в мыслях и словах уже.
Ведь то, что светлым я считать не прочь,
Черно, как ад, и мрачно, словно ночь.

СОНЕТ 148

Любовь на зренья повлияла мне.
Глаза неверно все воспринимают –
Они находят правильным вполне
То, что мой ум ошибочным считает.
Коль то, что взор мой может восхищать
Мир склонен порицать, пусть и резонно,
Тогда сама Любовь должна признать,
Что суд мирской вернее глаз влюблённых.
Как можно уповать на зоркость глаз,
Измученных тоскою и слезами?
Мне истину не различить сейчас,
Как Солнцу – лик Земли за облаками.
Любовь слезами может ослепить,
Чтобы изъяны видимые скрыть!

СОНЕТ 149

Неправда, что тебя я не люблю!
Ведь сторону твою я принимаю
И в мыслях - лишь к тебе благоволю,
Собою, мой тиран, пренебрегая.
И разве враг твой – мне душевный друг,
Любезен тот, с кем состоишь ты в ссоре?
Когда же взор твой мрачным станет вдруг,
Я мщу себе же, погружаясь в горе.

О, если б гордость обрести я смог,
Чтоб от услуг презренных отказаться,
Когда, обожествляя твой порок,
Готов во всё тебе повиноваться!
Хоть любишь ты лишь тех, любовь моя,
Кто может видеть, но незрячий я.

Г. Гейне

Вновь в глаза твои гляжу я

Вновь в глаза твои гляжу я,
Что приветливы так были,
Вновь движенье губ ловлю я,
Что блаженство мне дарили.

Голос твой я слышу снова –
Будят трепетные звуки
Сцены чудные былого;
Но иным я стал в разлуке.

И теперь в твоих объятьях
Внемлю я, как бьётся страстно
Твоё сердце в жажде счастья,
Только внемлю безучастно.

Татьяна Кондрашова

Татьяна Степановна Кондрашова родилась в 1956 г. в Кировске. Живёт в Апатитах с 1976 г. Окончила среднее городское профессионально-техническое училище № 11. Работает в автоколонне № 1378.

Автор книги «Счастливая женщина» (2008). Член лито «Алаш».

У озера

Плеск озёрной тихой песней
Разливается, звенит.
Сосны северного леса
Повторяют тот мотив.

Островки в озёрной сини
Скрыли в зелени своей
Все сокровища лесные
Малой Родины моей.

Тихий плеск воды озёрной
Омывает берега
В необъятные просторы
Убегает вновь волна.

Озеро с водой лазурной,
Пляж из серого песка.
И совсем по жизни бурной
Не тревожит здесь тоска!

Из архива газеты «Дважды два»

Леонид Коновалов

Леонид Константинович Коновалов родился в 1955 г. в Новокузнецке Кемеровской области. Окончил Кемеровский медицинский институт. Работает в апатитской городской больнице.

Автор книг «Ветер души» (1993), «Печаль молчит» (1995), «Как камни облака» (2000), «Серой солью» (2003), «Зазеркалье» (2005), «Полнолуние» (2008), «Белокровье февраля» (2010). Член Союза писателей России.

А в тебе умирает цветок.
И уже ты не та, ты не та.
Это времени быстрый поток
В беспощадное никогда.

Проржавевшее сердце, и вот
По нему только слёзы любви.
Над цветком завершают полёт
Онемевшие соловьи.

Бессонница – волк моей ночи,
И ягодой волчьей зрачки.
Она или зубы источит
Иль сердце порвёт на клочки.

Бросаю как в топку ей мысли,
И будет угрюмо жевать.
Вот чувства вскипели и скисли,
Колючкой огромной кровать.

И снова борьба до рассвета,
Пока не наестся она,
Бессонница, хищница эта,
И вечно ей вторит луна!

Пустыня слизывала зелень.
Последний затухал оазис.
Срывал листву всю ветра гребень,
Будто его душила зависть.

Вот так тоска волною напроць
Вдруг захлестнёт, стеная, чувство.
И будто сам с размаха навзничь,
А там, где чувство, будет пусто!

И вот я путаюсь в словах –
Неодолимое волнение,
Подспудный неумный страх
Владеют мною без сомненья.

Моё признание в любви
Убого, не красноречиво,
И лишь мешает жар в крови.
А ложь бы мог сказать красиво.

Так зарябили пестротой поля,
И снег весь в червоточинах земли,
Покрытый будто россыпью угля
Уже везде: и рядом, и вдали.

Весна-грязнуля скоро зацветёт.
И не узнать, какой вчера была,
Чудесный завершит переворот –
И Золушка принцессой ожила!

Иголки, сплошные иголки
Сквозь снег, как проклятье зимы,
Кустарник ребристый и колкий
На свет как решётка тюрьмы.

И как на ладони добыча.
И только зарыться в снегу.
Растущее волчье величье
Клыками грозит на бегу.

А пеной бешенства с утра плескалась выюга,
И в ней не укрощённый ветер-зверь
Пугал истощным хохотом округу
И в каждую бил колотушкой дверь.

И рвались парусиной клочья снега.
В ознобах бесноватой полутьмы,
Чтоб белой плетью хлестануть с разбега...
О, кто бы вырвал когти у зимы!

И я в тисках домашнего ареста,
В сердцах, метель на все лады кляня,
С тоской почти вселенского протеста
Кружусь по комнате как в стае воронья!

Всё станет пеплом. Догорит костёр.
О, череда жестоких превращений!
Я на огонь опять смотрю в упор:
Да есть ли что страшнее и священной?!

Тепло и жизнь, а следом копать, смерть.
Чем ярче всплеск, тем жёстче затуханье.
Я продолжаю на огонь смотреть
Пока своё не обожгу дыханье.

Ещё немного и родится стих.
Невнятное всё ближе клокотанье.
И, ожидая, будто мир затих,
И проступает слова очертанье.
А там другие клеивают строй
Единого литого предложенья,
И прорывают воздуха настой –
Рождается, звенит стихотворенье!

Уязвлённый в самое сердце
Равнодушием полным твоим
Я найти от любви хочу средство -
Чтобы чувство исчезло, как дым.

Чтобы звуком пустым твоё имя
Стало мне, наконец, навсегда.
И глаза твои стали чужими
И не звали меня никуда.

И меня б не встревожило даже
Когда рядом совсем ты пройдёшь.
Только внутренний голос вдруг скажет:
- Где ты средство такое найдёшь?!

Зима. Смеркалось. Мчался поезд.
Тоска закрытого пространства.
Безделье. Скука. Вечер. То есть
Нерадостное постоянство.

Так жизнь привиделась однажды:
Томительные переезды,
Что за окном, уже не важно,
Хотя б там небеса и бездны.

Я буду снова бить в колокола,
Когда уже весь выгорел закат,
И будут звёзды, как сама зола,
И звуки раздаваться невпопад.
И с рук моих сойдёт кровавый струп,
А судорога губ полюбит боль,
Всё потому, что я тебе не люб,
Всё против шерсти, а хотелось вдоль.

А корни – будто десять сильных рук
Вцепились так, что пальцев не разжать.
И корчеванья хлюпающий звук
В нерв жильных струн - всё ж пуповину рвать!

Пни-память – перерезаны стволы.
Пила тогда жужжала как оса.
Что из стволов - гробы или столы?!
Леса, краса ... пустая полоса!

Ночь таяла от огненной зари.
Прощай, луна! Уже настало утро.
Окно лишь только настезь отвори –
И дышит город радостно и мудро.

А в свежем воздухе надежда есть для всех.
Пусть каждого исполнится желанье.
И воздух по лицу – соболий мех,
Как ангела крылатое касанье.

А зеркало, которое в тебе,
Не будет лгать, пока сам не захочешь.
Куда дороже мнение извне,
О нём всегда старательно хлопочешь.

Но совесть глубоко наедине
Показывает подлинную сущность.
О, зеркало, которое в тебе,
Каким ты отражением вернулось?!

*Закат над головой
(отрывок из повести)*

Да, в каждом лечебном учреждении есть несколько пациентов, при упоминании о которых будто тёмная тень ложится на лицо заведующего. Это группа вечно недовольных, вечно жалующихся и вечно «отравляющих» настроение и рядовому врачу, и руководству. Но, Сидорищев, Сидорищев... Это был, бесспорно, особый случай. Да, в каком-то смысле он был воистину незаурядный человек. Трудно сказать, повезло ли людям, познакомившимся с Сидорищевым или нет? С одной стороны, увидеть нечто уникальное, что не всякому доступно, всё-таки здорово, а с другой стороны, как в данном случае, не слишком ли велика цена? И как же не поведать о таком пациенте.

Кузьма Кузьмич уже семь лет как был на пенсии. Где он раньше работал, помнили его до сих пор, как будто он покинул их только вчера. Неутомимая страсть Сидорищева сделать какую-нибудь пакость окружающим не знала покоя и границ. Анонимки и письменные жалобы были сильным местом этой его деятельности. Да и скандалами он далеко не чурался. Никого из сослуживцев не обошли вниманием бдительный взгляд и зловещее перо Кузьмы Кузьмича. Кто

живёт не по средствам, кто изменяет жене, кто питает слабость к алкоголю и прочие обладатели различных пороков благодаря Кузьме Кузьмичу обрели широкую известность. Вот кажется, нет в человеке недостатков, святой, да и только. Но от Сидорищева ничего не утаишь, найдёт червоточинку и обнаружит.

Какое отношение было к Сидорищеву у сослуживцев? Что за глупый вопрос? А вы сами-то как думаете? Именно, именно так! Появление Сидорищева вообще вызывало странную реакцию у коллег. Стоило его красной одутловатой физиономии с прищуренными глазками появиться в помещении, сразу же появлялось ощущение, будто запустили в комнату некое боевое отравляющее вещество нервно-паралитического, удушающего и кожно-нарывного действия. Поскольку кто-то тут же впадал в ступор, у кого-то наступал паралич ног и рук, начинало дёргаться глазное веко, кто-то задыхался, а на кого-то нападал нестерпимый зуд кожи. А как только Сидорищев уходил, все означенные симптомы как по волшебству исчезали.

Изгнанию Кузьмы Кузьмича на пенсию предшествовала длительная изнурительная борьба. И, наконец, свершилось! Три дня в коллективе шумел праздник. И профсоюз и администрация по такому случаю не поскупились и щедро выделили деньги на народное гуляние. Даже юбилей самого директора был куда скромнее. Такого радостного события учреждение не знало и никогда не будет, видимо, знать. Люди братались, обнимались и по щекам их текли слёзы счастья. Да и сам директор считал выход на пенсию Сидорищева самым большим своим производственным

достижением и даже, может быть, самым главным событием в жизни. Была даже выдвинута инициатива дату увольнения Кузьмы Кузьмича объявить «Днём учреждения» и ежегодно отмечать. Большинство, бесспорно, одобрили эту идею, но администрация воспротивилась, дабы даже таким образом не увековечить имя Сидорищева.

А что сам Кузьма Кузьмич? Нет, испытанный воин не дрогнул и продолжил своё любимое занятие, изменив только точку приложения. Сначала он решил сжить со свету соседей, на которых у него раньше не оставалось времени. Но соседи оказались людьми не робкого десятка, а, выпив лишнего, вообще становились воинственными. Так что, рискнув один раз с ними поскандальить, он получил такой урок, что сразу уяснил всю опасность своего положения и ограничился написанием одних анонимок. Затем он сделал попытку морально раздавить, повергнуть, так сказать, в прах работников жилищно-коммунального хозяйства. Но на его сольную партию отвечал целый дружный хор, громкий и звонкий. Да и по части красноречия особого свойства работники ЖЭКа явно превосходили Кузьму Кузьмича, что видимо, достигалось многочасовым ежедневным тренингом с другими жильцами. Так что Сидорищеву и здесь пришлось ретироваться.

Но не мог его буйный нрав долго пребывать в унынии. И скоро благодаря случаю, Кузьма Кузьмич понял, где он сможет полностью удовлетворить своё страстное желание, где то самое раздолье, где во всю прыть разбежится его неутомимый «талант». Более того, там была исключена возможность ответного удара и любых нежелательных

последствий для самого Сидорищева. И так, перед ним открывались широкие перспективы при полной безнаказанности, что радовало и возбуждало. Теперь любимое дело его жизни найдёт своё славное продолжение.

Городская поликлиника № 5 находилась всего в каких-нибудь ста пятидесяти метрах от дома Сидорищева. И хотя всеобщая любовь к нему не грела Кузьма Кузьмича, его здоровье оставалось крепким. Очевидно, поэтому Сидорищев о поликлинике сразу не вспомнил, о чём очень сожалел. Целый год после выхода на пенсию для него считайте, прошёл впустую. Но помог тот самый случай. Кузьма Кузьмич неожиданно простыл. Врача куда-то вызвали и Кузьму Кузьмича приняли с опозданием на десять минут. Сидорищев отчитал врача, заведующего отделением, главного врача и написал жалобы в отделы городского областного здравоохранения и министерство здравоохранения. Отчитал с криком, визгом, как положено, а письма на плохую работу поликлиники были грозными. Время было строгое. Наказали всех к удовольствию Кузьмы Кузьмича. И тут он смекнул, что он может себя вести здесь как угодно, а врачи и прочий персонал будут терпеть и только больше уважать его, ибо так принято. Именно так, ведь врач должен в первую очередь быть терпимым и терпеливым. Недаром же ему при всяком удобном случае поминают «клятву Гиппократата». Да и кто же может подвергнуть сомнению основополагающий принцип – «Больной всегда прав!». Это умственное изыскание так понравилась Кузьме Кузьмичу, что через два года его плотной работы в лечебном учреждении его даже в городском отделе

здравоохранения не называли иначе - как «кошмар городской поликлиники № 5».

Итак, Сидорищев взял себе за правило регулярно посещать данное лечебное учреждение. К какому врачу попасть на приём для него не имело принципиального значения. По очереди он обошёл всех докторов, какие только были в поликлинике, и везде задал «трёпку» из-за отсутствия должного внимания, назначения неэффективного лечения и не назначения полноценного обследования. С собственными симптомами, он особенно не фантазировал – какого профиля специалист, таковы и жалобы. Вскоре он уже всех ославил и действительно всех запугал «до смерти». Администрация из сложившейся ситуации сделала выводы и разработала план профилактических мероприятий, главным из которых было – любой ценой избежать самой встречи с Сидорищевым. Поэтому, как только Кузьма Кузьмич появлялся в дверях поликлиники с плотоядной улыбкой вседозволенности - «кто не спрятался, я не виноват!», гардеробщица Люся условным стуком в стену сообщала в регистратуру о его присутствии. В регистратуре уже действовала схема оповещения, разработанная по линии Гражданской обороны на случай стихийного бедствия. По сути дела объявлялась боевая тревога – обзванивались старшие сёстры, которые шустро обегали кабинеты, начальство запиралось на ключ и баррикадировалось. Перед дверьми некоторых кабинетов выстраивалась плотная «стенка» из больных как перед футбольными воротами при штрафном ударе. Большинство же медперсонала неслись сломя голову, как стадо антилоп при виде льва, и набивалось в туалеты по половому признаку,

надеясь переждать угрозу невыносимого общения. Когда изумлённые больные видели перед собой бегущую ошалевшую толпу медработников, они испуганно спрашивали:

- Что такое?! Что случилось?!

- Кузьма Кузьмич идёт, - кричали им из толпы. И вздрагивали слышащие это, ожидая увидеть кого-то вроде Годзиллы.

Николай Николаевич Курицын в то время не отличался ещё быстротой реакции и не имел выработанного рефлекса на появление Сидорищева, поэтому он чаще всего и был его жертвой. Да уж, Сидорищев, как никто, умел подавить в собеседнике чувство собственного достоинства: он рвал и топтал его, как тряпку для протирки унитаза. Он взращивал чужие комплексы неполноценности, как капусту на грядке с удобрениями унижений. И каждый попавший под его неистовый словесный шквал, чувствовал себя выпотрошенным и вывернутым наизнанку кроликом. После того как Кузьма Кузьмич по разу побывал у каждого доктора, тактика его поведения несколько изменилась. Теперь он начинал кричать с порога, не давая опомниться и даже вставить слово. Голос его звучал громко, пронзительно и неистово, будто все барабаны, трубы и скрипки мира заиграли какую-то дикую и душераздирающую мелодию. Негодование всех не вылеченных веками больных звучало в нём. Пятнадцать минут непрерывного ора делали своё дело. И слова и звуки были сильным раздражителем. Сидорищев пощады не знал. Заканчивалась обвинительная тирада громким хлопаньем двери. Кузьма Кузьмич не позволял врачу ни одной манипуляции. Да и трудно было бы тому прийти в себя,

находясь в глубокой прострации. Отпаивание доктора «корвалолом» стало обычной процедурой. Последующие же за этим приступы депрессии с возникающим перед глазами образом Кузьмы Кузьмича могли тянуться у врача неделями. Но неприятности этим не кончались. Свою доказательную базу профессиональной несостоятельности специалиста Кузьма Кузьмич подкреплял письменными жалобами в органы здравоохранения различного уровня. И те реагировали. Плодовитость в эпистолярном жанре Сидорищева вообще поражала воображение. За один месяц он написал столько жалоб, сколько не знала поликлиника за все свои четырнадцать лет существования. И слава пришла к городской поликлинике № 5 – дурная слава. Будто наложили на её репутацию печать проклятия, а на печати оттиск профиля кричащего Кузьмы Кузьмича. Да, природное явление в лице Кузьмы Кузьмича было если не планетарного масштаба, то областного. Слухи о нём росли и множились. Так создаются легенды.

Леонид Коробейников

Леонид Семёнович Коробейников родился в 1935 г. в Кировске (пос. Кукисвумчорр). Окончил физический факультет МГУ. Вернулся в Апатиты в 1968 г. Работал в ИХТРЭМСе КНЦ РАН. Автор 32 научных публикаций. Основное увлечение – спортивное ориентирование.

Автор книги «Послушай дилетанта» (2012)

Есть ли жизнь на рельсах?

Последний день весны: ночью было холодно, к десяти часам потеплело. Я пошёл на родник, который круглый год течёт под полотном железной дороги Апатиты-Кировск. Набрал воды, пропустил тяжёлый состав и двинулся в обратный путь. Это три километра по щебёночной набивке. Прогон 7-го километра находится в низине: справа болото, слева болото, тихая протока между ними. В небе кружит пара озёрных чаек, из зарослей срывается пара уток, - успеваю заметить нарядного селезня.

Но я вынужден смотреть под ноги: щебень выворачивает стопы. Все камешки - одинакового размера, серого цвета и мелкого рисунка. Но стоп! Замечаю что-то отличное. Наклоняюсь и вижу... лягушку!? Замерзла? Беру теплый камешек и дотрагиваюсь - жива, открыла глаза.

Поднимаюсь, бросаю последний взгляд и обнаруживаю, что на меня с укоризной смотрят... две пары глаз. Две! Медленно, очень медленно доходит до меня моя бестактность.

Природа поёт вечный гимн жизни! Молча.

Девочки с характером

Где трудно - там мужчины, где очень трудно - там женщины. Так сжато оценил маленькую драму, рассказанную мной, мой знакомый.

В последнюю неделю марта состоялись традиционные "Эскимосские игры" школьников в долине Малого Вудъявра. В программе второго дня - строительство снежного убежища канадских эскимосов, "иглу", похожего на соборный купол высотой в рост.

Команда 4-й апатитской школы состояла из 5-ти мальчиков и 3-х девочек, впервые оказавшихся в этой изумительной долине. После ночёвки в палатке все выглядели невыспавшимися, но здоровенькими и рвались "в бой". По сигналу все команды начали одинаково: с разметки участка и нарезки снежных "кирпичей". Эту часть работы, а также непростую кладку кирпичей наши мальчики взяли на себя, оставив девочкам роль подносчиков. Кладка первых рядов не была трудной, а затем плохое качество кирпичей привело к разрушению круглой стены. Мальчики перессорились, бросили работу и дружно (!) удалились. Девочки даже не сдвинулись, только спросили тренера: "Вы нам поможете?" Тот, ещё не отошедший от горечи первой попытки, ответил "да" и начал очерчивать новый круг внутри брошенной стены.

Девочки стали нарезать строго одинаковые кирпичи и только после проверки на прочность подавали их на новую стену...

Подходит судейская бригада, видит "развалины Вавилона" и произносит приговор: "убежище разрушилось". "НЕ-Е-Т!" - крик из четырёх глоток остановил протокольную запись, и бригада отошла с немалым сомнением: до контрольного времени остался один час.

Через полчаса над снегом вырос изящный мини-купол, отличающийся от соборных куполов соседних "конфессий". Ещё пять минут ушло на подкоп широкого скрытного входа. Очередное пришествие судей зафиксировало соответствие нашего убежища всем предусмотренным параметрам: времени, размеру, входимости и прочности.

Строители оказались с характером.

***Строительство первых академических домов.
(Ул. Ферсмана, 12). Фото из архива***

Новый город (Ул. Ферсмана, 12, 10, 8). Фото из архива

Павел Котляренко

Павел Евгеньевич Котляренко родился в 1963 г. В Апатитах живёт с 1964 г. Окончил Мурманский государственный педагогический институт. Преподаватель кафедры философии и социологии КФ ПетрГУ.

Жена гения

Она была его ангелом,
Нежным, с сердцем детским,
Любимой женою Анною,
С ней он и стал Достоевским.

Она его полюбила,
Хотя он и был дерзким.
Откуда взялись силы -
Сделать его Достоевским?

Он был больным и порочным,
Грубым, в словах резким.
Она всё сносила молча.
Он с ней и стал Достоевским.

Жизнь сгорает в мгновениях,
Если делить её не с кем.
Ангел любви гения,
Ставшего Достоевским.

Приятно быть на ветке листиком
Вдали от человеческой гадости,
И дуракам, и ненавистникам
Не доставляя бурной радости,
Петь-шелестеть под ветра музыку
И зеленеть от солнца лучика,
Копить тепло сквозь щёлку узкую
Что может быть на свете лучшего?

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Людмила Кузенкова

*Людмила Александровна Кузенкова
родилась в 1972 г. в Кировске.
В Апатитах живёт с 1975 г.
Окончила Мурманский
государственный педагогический
институт. Работает
преподавателем в апатитской
школе № 15. С 2000 г. пишет стихи,
эссе, сценарии.*

А у нас вчера февраль
Вдруг заплакал:
Весь затрясся, всхлипнул и
С крыш закапал.

Почернел, раскис, обмяк.
Сгорбил спину
Умирающий чудак
Перед сыном.

И прерывисто дыша
Слабым телом:
«Я устал, - сказал старик, -
Вот в чём дело...

Так нежданно весна
 Молодая
Полюбилась, я дурак -
 И растаял.

По щеке окна сползу,
 В землю кану...
Нет, я жизнью своей –
 Не обманут».

Вы не верьте
Книжным прогнозам:
И зимой - случаются грозы

Как пахнет травами!
Как слышится весна!
Как свежо небо
 в утреннем румянце...

Моя душа,
Омытая дождём,
Кружится надо мною
 В вихре танца!

Потеряемся где-то в лете:
Посреди дорог и полей,
В неизвестности междометий,
В свете новых ночных огней.

За лесами,
 морями,
 горами.

У прохожих или проезжих
Будем счастье искать глазами.
Получая одни надежды.

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Ирина Куккер

Ирина Вячеславовна Куккер родилась в 1986 г. в с. Солотвино на Украине. На Севере с 1987 г. В Апатитах живёт с 2003 г. Окончила КФ ПетрГУ в Апатитах, учится в аспирантуре. Стихотворения пишет с 12 лет.

В парке

Я в центре парка на скамейке,
Вокруг лишь листья шелестят,
А где-то вдалеке на флейте
Играют музыку сонат.

И я сижу, глаза закрыты,
И звуки флейты в голове.
Мои родные Апатиты
В осеннем золотом огне.

Так осень всполохом рисует,
Хибинами заморозить
Она опять меня рискует,
Чтоб мне самой листвою кружить.

Но нет, и листья лишь кружатся,
Целуют воздух, рук моих
Касаются блестящим гляncем
Под флейты трепетный мотив.

Соната кончилась, другая...
Неугомонный листопад
Глухим шуршаньем подпевает,
Но к сожаленью, невпопад.

Я не умею

Я не умею мило лгать,
А также нежно лицемерить.
И о своей любви кричать,
Стучась в окошки или двери.
Увы, я не умею льстить,
Судить, не милуя; казнить.
Я даже не умею мстить,
И как же мне, скажите, жить?!

Любуясь рыжим водопадом её некрашенных волос,
Я словно был в сетях у сада, пылавшего цветами грёз.
Я целовал самозабвенно, блеск глаз жемчужный я ловил
И с разрешенья дивной лиры её портрет боготворил...
Её уста - уста ребенка, её улыбка - гонит мрак,
И смех её, искристый, звонкий, как кораблю в ночи маяк.
Я был влюблён... но в чём же дело? Куда исчез весь мой восторг?
Банально... просто изменила... а я простить её не смог!

Татьяна Лисовец

Татьяна Эдуардовна Лисовец родилась в 1972 г. в Апатитах. Окончила Мурманский государственный педагогический институт. Работает библиотекарем в апатитской городской детско-юношеской библиотеке. Стихи пишет с 17 лет.

Цветок «Кошачьи лапки»

Я променяла пух лежанки
На каменистую тропу.
Прекрасен сильный дух спартанки!
Кто слышал плач мой иль мольбу?!

Пусть шкурке не присуща гладкость
И скрыта цепкость коготков...
Но оцени кошачью мягкость
Моих подушечек: всех трёх!

Сюда непрошено явилась.
И не найти Земли древней.
Гряда Хибинская пленилась
Проворной лапкою моей.

Прибоя белого тугая полоса
С прозрачной синью бьётся неустанно
Давай с тобой умчим на полчаса
В лазоревую сказку океана!
Древнейшая Гондвана, острова,
Волшебная их сила создавала.
И вечности рокочук жернова:
Коралл, гранит до блеска шлифовало.
В ряд острова – как с тетивы стрела,
Летающая в Индийском океане,
И в сердце каждому любовь стрелой вошла.
Приедете, и убедитесь сами.
Роскошным буйством краски зазвонят.
Палящим солнцем встретят вас Сейшелы.
Величественной зелени наряд
Пред взором встанет, и - душа запела!
А воздух ароматом напоён,
Ваниль струит и пряный кинамон.
Раскрыть объятья радостно готов
Пьянящий рай прекраснейших цветов!
И даже даль таинственно близка!
И каждый очарованный воспел
Коралловую пудру белоснежного песка
И терракоту загорелых тел...

Когда луна встаёт,
Туманясь и клубя,
Мир кажется
Чужим и незнакомым.
И еле слышны
Жалобы сверчка
У разорённого
Покинутого дома...

Будущая площадь (Пл. Ленина). Фото из архива

Застройка академгородка. Фото из архива

Площадь Ленина и улица Ферсмана. Фото из архива

Виктория Малофеевская

Виктория Малофеевская родилась в 1992 г. в Апатитах. Учится в Мурманском государственном гуманитарном университете.

Весна заполярная

Глухие северные сопки –
Вот, где мы душу отведём.
В лесу нехоженные тропки
Едва знакомы со зверьём.
И льдом ещё крепки болота.
Суров, безлюден местный край.
Вот побродить бы беззаботно
Мне б по нему в весёлый май.
И редкий чёрный след проталин,
Он на припёках – Божий рай!
И мать-и-мачеха с подпалин,
Лишь знай, детишки, собирай!
Пусть крепко спят ещё деревья,
Набухшим почкам скучен сон.
Приметам я народным верю –
И в мае грянет первый гром!

Арка. (Ул. Ферсмана, 14). 2011г. Фото Н. В. Смоляка

Наталья Малофеевская

Наталья Александровна Малофеевская родилась в д. Пермасский Починок Вологодской области. Окончила Вологодский педагогический институт. В Апатитах живёт с 1987 г. Преподает историю в апатитской школе № 14.

Февраль

Ещё не близко до весны.
Ещё зима в свободном праве
Хлопочет, кутаясь снегами,
Лелея ледяные сны.
Румянец солнца, словно жар,
Горит над сопкою недолго,
В снегу, на елях и под горкой,
Теней пылающих пожар
Дерущий за щеки мороз
Уж был, ещё стократ вернётся;
Берёзка в иней завернётся,
И ветер выстудит до слёз.
Ещё не близко до весны.
Ещё грядёт метелей время.
И не проститься с ними всеми,
Лелея ледяные сны.

Какая грустная пора,
Какой печалью дышит осень!
В долину смотрится гора
И очень-очень снега просит.
Зачем ей снег? В лесу листва
Ковёр зелёный чуть прикрыла,
И ветер буйный стих едва,
И листопад развеселился.
Мерцает солнце средь ветвей,
Блестит, улыбку вызывает.
Брусника брошкой у корней
Бордовой кровью вызревает.
Уже прохладно по утрам,
Травинки в инее свернулись...
Природа рада! Только к нам
Грусть и печаль опять вернулись.

Римма Маркова

Римма Мееровна Маркова родилась в 1951 г. в Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена. В Апатитах жила в 1975 – 1987 гг. Преподавала в детской художественной школе. Была членом ЛИТО «Хибины». В настоящее время живёт в Швеции.

Автор книг «Хибинская тетрадь» (1981), «Полярное солнце» (1987), «Попытка невыезда» (1994), «Письма к любимому/Brev till min älskade» (1999) на русском и шведском языках, "Fönstret" (2001) на шведском языке, «Черный викинг/Den svarte vikingen» (2009) на русском и шведском языках. Член Союза писателей России и Шведского ПЕН-клуба.

Ногою нащупай тропу.
Сквозь липкую ласку метели
скорей бы добраться до цели,
не согнуть, как пыль на ветру.

Неужто мы выжили здесь?
Да. Живы и счастливы, вроде.
И что-то великое есть
в разнузданной нашей природе.

В мерцании зимних времён,
в безвыходных наших просторах,
в бескрайних снегах, среди которых
схоронено столько имён.

Неужто мы выжили здесь,
не сдались февральской угрозе,
и солнца полярного жесть
опять дребезжит на морозе?

Труба комбината махнёт на прощанье дымком,
и сложный рельеф обернётся учебным макетом.
Оставленный город стоит, как шкатулка с секретом.
Секрет невелик, только нам до сих пор незнаком.

А наш самолёт пробивается сквозь облака,
бесстрашен и быстр, как ядро из пластмассовой пушки.
А что там под нами? Под нами идут с молотка
гора и дорога – любимые наши игрушки.

А здесь стюардесса уныло бубнит в мегафон
о том, что под нами белеют Хибинские горы...

Гора и дорога – какой замечательный фон
для слайда цветного, на вечную память который!

В случайном городе, где каждая зима
заведомо труднее предыдущей,
не различая ближних и чужих...

Снег лепится к окну старательней и гуще,
безвыходней. Не снег, но ворох мелочей –
никчемных дел в дому и на работе...

Но невзначай перевернёшь листок –
увидишь черновик стиха на обороте.
Так и живём.

Памяти Сергея Цыганкова

Снег упал в неожиданном месте
белым пеплом на цветы.
Позвонил случайный вестник
сообщить, что умер ты.

Ах, Серега, друг мой милый,
кто сказал, что это смерть?
Я сама тебя втравила
в сладкой вьюги круговерть.

Снег кружился, снег ложился,
возводил свои холмы.
Ты остался, ты прижился.
Я устала от зимы.

Ах, Серега, друг сердечный,
сад в снегу, а не в золе.
Кто сказал, что жизни вечной
не бывает на земле?

Просто время поменялось,
я живу в другой стране,
ты – в другой. Но всё же, малость
вспоминаешь обо мне.

2005 г. Фото Н. В. Смоляка

Светлана Машкина

Светлана Викторовна Машкина родилась в 1967 г. в Апатитах. Окончила Боровичский индустриальный техникум, вернулась в Апатиты. Заочно окончила железнодорожный техникум в Санкт-Петербурге, работает в ОАО «РЖД».

История одной семьи

Тяжёлый, обтянутый потёртым синим бархатом, альбом для фотографий хранится высоко на антресолях. В нём - судьбы двух поколений моих предков.

На пожелтевшем чёрно-белом снимке молодая женщина, утомленно сложив руки на коленях, позирует на фоне белой простыни. Это – моя бабушка, Анастасия Титова.

Настя родилась в деревне под Вяткой. Рано осиротела, жила «по людям». Нянчила чужих малюток, доила корову, до заката горбилась в огороде. Проблем с нанимателями не было: честную, работающую девушку брали в любой дом.

Зимой 1936 года в колхоз пришла разнарядка. Выделить активного, грамотного, сознательного комсомольца для работы на северной стройке страны. Активные и сознательные ехать на далёкий север не хотели. За

невыполнение приказа председателю грозили крутые меры, и он нашёл выход – отправить Настю. Ей не было восемнадцати и в справке приписали недостающий год. Задним числом приняли в комсомол, дали в руки букварь и колхозной телегой отправили на станцию – осваивать советский север.

Вместе с другими, такими же бедолагами, в товарном вагоне привезли в село Сорока¹. Оттуда в лагерь. Стройки не было. Был лесоповал, деревянные бараки с нарами в три ряда, тяжелая работа и железная, как на зоне, дисциплина. Строителей коммунизма не охраняли. Зачем? На много километров вокруг простиралась дремучие леса. С мошкой и зловонными комарами летом, непроходимыми снегами зимой, дикими зверями и болотами.

Валенки разрешалось носить только на работу, вечером сдавали в каптерку завхозу и шлепали назад кто в лаптях, а кто и босиком.

К лету Настя похудела, по ночам просыпалась от сильной боли в спине. Потускнели русые волосы. Косу, предмет девичьей гордости, пришлось обрезать. С тоской вспоминая родную деревню, понимала – надолго сил не хватит. Работая наравне с мужчинами, Настя все чаще искала укромные уголки: присесть, отдохнуть немного.

Каждый месяц на лесоповал приезжала новая бригада помощников. Ребята с Сорокинской фабрики: электрики, грузчики, слесари ударно трудились ровно месяц и, отбыв командировку, возвращались к привычной жизни. Вот с таким

¹ Село Сорока – нынешний Беломорск.

помощником, молодым механиком Павлом, и закрутилась у Насти любовь.

Вечером, прогуливаясь с ней у озера, Паша вытащил из кармана пакетик конфет. Насте доводилось пробовать конфеты, но такие вкусные – никогда.

– Понравились? – довольно улыбнулся парень. – Там ещё у ребят пряники есть, завтра на работу принесу.

– Лучше хлеба! – вырвалось у неё.

– Настя, айда назад в лагерь.

Николай крепко взял Настю за руку.

– У меня тушёнка есть, сухари, сигарет много – можно обменять. Ничего, прорвёмся.

Каждый вечер он приносил на свидание еду. На работе, проходя как бы невзначай мимо или помогая спилить толстенный сук, Паша украдкой совал в её карман кусок хлеба или несколько мелких, сваренных в мундирах картофелин. Через пару недель Настя и выглядела, и чувствовала себя значительно лучше.

В лагере много влюбленных парочек, по вечерам полбарака убегало на свидания, а вторая половина активно обсуждала достоинства и недостатки чужих кавалеров. Настя никак не могла понять – почему они-то так тщательно скрываются от всех? Конспирация прояснилась за несколько дней до отъезда бригады.

– Бежать тебе надо, Настюша. Я узнал, вас сюда загнали на три года. Видела за лагерем кладбище? Кто из них выдержал? Через месяц начнётся зима, здесь не Вятка твоя – сразу и мороз, и снег. Очень холодно ещё не будет, но болота скуёт. Тогда и пора.

– Боюсь, – вздохнула она и прижалась к нему. – Я по лесу в жизни не ходила. Здесь медведи, волки, не заблужусь, так звери порвут, или солдаты поймают. Тогда совсем пропала я. Нет, миленький, не могу.

– Любишь меня?

Павел взял в ладони её лицо и строго посмотрел в глаза.

– Значит, сможешь. Одной бежать не стоит: ты трусиха, каждого шороха боишься, да и сподручнее вдвоём. Выбери себе подружку, лучше Валю, соседку. Она дивчина боевая, давно бы удрала, да понимает – без помощи не обойтись. Отсюда только один путь – в Сороку. А там беглецу некуда деться без денег и документов.

Он оглянулся и заговорил ещё тише:

– Я всё подготовлю. Через две недели после моего отъезда приходите ночью, каждую среду, на это место. Может, подойду сразу, может через месяц, два. Верь мне, девочка моя, и не отчаивайся. Я тебя отсюда вытащу.

– А потом? – робко спросила Настя.

– Женюсь, репка моя деревенская! – засмеялся Паша. – Не проболтайтесь. Иначе сгниём на зоне вместе. Там, Настенька, семейных камер нет, как же я без тебя?

Валя согласилась сразу. Теперь она, залезая на верхние нары, дотрагивалась до Настиной руки, как бы говоря: «Мы вместе, мы ждем, мы будем ждать сколько надо».

Павел пришел на условное место через месяц. Подробно рассказал план побега и не успокоился, пока не заставил их повторить его слова почти наизусть.

Уйдут в пятницу. Днем начальнику лагеря доставят заказ из города. Он ждёт две бутылки водки, привезут пять. Завхозу

девчата отнесут приготовленную Пашей бутылку самогона – обменяют на еду. Самим не пробовать даже для храбрости – в самогон подмешено снотворное. Вечером в каптерке у спящего завхоза они украдут валенки. Ночью перейдут через железную дорогу и пойдут по просеке, никуда не сворачивая. К следующей ночи подружки доберутся до рыбацкой избы, там приготовлена еда и одежда. Покушают, отдохнут, и дальше в путь. Печь не топить ни в коем случае. Иначе в этой избе их и арестуют: сытых и спящих.

В ста метрах от домика широкий ручей, вдоль него доберутся до Сороки. Там беглянок встретит Паша и спрячет в надёжном месте. Самое главное – если с одной что-то случится, вторая прячет подругу в лесу, запоминает место и идет дальше. Экстренную помощь он организует сам. Погони раньше понедельника быть не должно: пяти бутылок начальнику лагеря, большому любителю горячительного, хватит дня на два, на три. Завхоз тоже рано не спохватится – он за людей не отвечает. Но торопиться надо, мало ли что.

Вечером в пятницу Валя пошла к завхозу менять самогон. За бутылку мутноватой жидкости жадный хозяйственник дал две сырых свеклы и краюху хлеба.

Ночью пробрались в каптерку: на двери склада висел огромный ржавый замок.

Стараясь не шуметь, долго искали ключ. Отчаявшаяся Настя тихо всхлипывала, но тут Валюшка увидела валенки на ногах спящего богатырским сном завхоза.

– Снимаем, – распорядилась она. – С паршивой овцы хоть шерсти клок. Будем надевать по очереди. Намотаем на ноги тряпок, сверху лапти. Так и пойдём: одна в валенках

греется, другая в лаптях бежит. Потом меняемся. Нам бы только до Павла твоего добраться.

Жутко ночью в лесу. Трещат деревья. Это ветер? Или дикий зверь прячется в кустах, карауля жертву? Где-то далеко слышен волчий вой. Они брели друг за другом по заснеженной просеке. Сегодня, как всегда, в пять утра подняли на работу. В голове гудело, тело налилось изнуряющей усталостью.

– Не могу больше, – Настя прижалась к стволу и медленно опустилась в снег. – Давай отдохнём.

Валя кивнула и плюхнулась рядом. Они молчали, экономя силы. Настя блаженно прикрыла глаза. Так бы и сидела здесь до завтра. Тихо, хорошо. И уже не так холодно... Можно не торопиться. Отдохнут, поспят немного, подумаешь, придут позже... Паша ждёт! Настя вздрогнула.

– Валюшка, вставай!

Они добрались. В избе нашли ватиновые пальто, яркие платки, хлеб, консервы. Поборов искушение погреться у теплой печки, двинулись дальше.

В сумерках подошли к Сороке.

Счастливый Паша, взяв их под руки, как на прогулке, привел в подслеповатый домик на окраине городка.

– Сидите как мыши, на улицу не высовывайтесь. Если кто придет, вы – деревенские, приехали к брату на заработки. Документы у него, велел ждать, пока всё разузнает. Я с работы буду приходить. Через неделю-другую, если все тихо, Валю посадим на поезд, а мы с Настей распишемся.

Вздрагивали от каждого шороха. Вечером не зажигали свет, боясь привлечь внимание соседей. На двор выскакивали только по нужде, неслышной тенью крадясь за сараем.

Через две недели Павел принёс паспорта и билет для Вали. Вероятно, бегство сознательных комсомолок обнаружили слишком поздно, чтобы стоило начинать поиски, или начальник лагеря, опасаясь гнева вышестоящих, просто вычеркнул их из числа живых.

Валю посадили в поезд южного направления. Валенки ненавистного завхоза она забрала с собой. Тёплую обувь легко обменять на что-нибудь нужное. Прощаясь, крепко поцеловала Настю в обе щёки и, растирая кулаком слёзы, сказала:

– Хороший у тебя муж, Настасья. Если бы не он, сдохли бы мы с тобой на лесоповале. Ты ему сыновей нарожай, нам таких мужиков много надо.

Павел с Настей расписались, она получила паспорт с новой фамилией, и молодые уехали еще дальше на север, в Хибиногорск.

Настя родила троих детей.

В сорок первом Павел ушел на войну, Настю с детьми отправили в эвакуацию на Урал.

Они встретились в родном Хибиногорске лишь в январе 1946.

Но Настя недолго радовалась семейному счастью. Два года израненное тело солдата боролось за жизнь. Весной сорок восьмого старая осколочная рана вызвала обширное воспаление, Павел умер.

Настя не вернулась в родную деревню, вся её жизнь прошла в северном городке. Уже пожилой, гуляя с пятилетней правнучкой, она рассказывала малышке: «Что вот этот дом строил твой дед, и библиотеку, и кинотеатр. А по этой дороге я каждое утро возила хлеб в школу, где училась твоя мама».

Фото из архива газеты «Дважды два»

Михаил Морошкин

(1946 – 2007)

Михаил Серафимович Морошкин родился в Ленинграде. Окончил Мурманский педагогический институт. В Апатитах жил с 1968 г. Работал в Кольском филиале АН СССР, в тресте «Апатитстрой». С 1976 г. начал работать в редакции газеты «Кировский рабочий» фотокорреспондентом. В 1991-1995 гг. был редактором газеты. Участвовал в работе литературного объединения «Хибины». Член Союза журналистов СССР.

Цена романтики

Захотелось романтики?

Приезжайте, берите.

На пороге у Арктики

Лишь себе не солгите.

Будет все:

И палатка,

Будут письма- приветы,

И сквозь крышу

в заплатках

Свет полярного лета,

Будет солнца огарок

И бессонные ночи,

И морошка в подарок
От болотистых кочек.
И, конечно, не просто
Вдруг лишиться покоя,
Кольский наш полуостров
Здесь покажет такое...
Над костром
 пошаманьте-ка
В лапах снежного плена...
Север видел романтиков,
Север знает им цену.

Вот он, северный край

Вот он, северный край:
Комариное лето,
Край разлук и печалей,
Тревог и надежд впереди.
Вот он, северный край, —
Словно памятник,
В камень одетый,
В память лучших друзей,
Что теряем порой
На пути.
Только снова дела
Не дают засидеться,
Только снова мечта
За собою в поход позовёт...

И опять у костров
Будет юность тревожная греться,
Потому что надежда
У каждого в сердце живёт.
Пусть идем мы сюда,
Чтоб нас почта искала,
Чтобы снова судьба
Предъявила законно права.
Мы ещё пропоем
Про любовь
И про серые скалы,
Мы ещё назовём
Несказанно простые слова.

Свет Полярной звезды

Только это всё, знаешь,
Не по мне, не по мне...
Ты уйдешь и растаешь,
Как в загадочном сне.

Знаю,
Не-вы-но-си-мо!
Как и многим подстать...
Мне лишь долгие зимы
Коротать, коротать.

Я шепчу заклинанья:
Мол, вернусь – не вернусь,
И встаёт как сиянье,
Запоздалая грусть.

Только снова и снова,
Забывая о зле,
Я иду по суровой
Необжитой земле.

Что мне грусть да тревоги
Да людские суды?
Мне лишь свет на дороге
От Полярной звезды.

Белая бессонница

К закату солнце клонится и клонится,
Последний блик прощается с Невой.
Приходит в город белая бессонница:
Не спит Исаакий с рыжей головой,
Не спят мосты —
 вразлёт стальные крылья,
Не спит вода, буксирами сопя.
И Летний сад
Не спит под звёздной ширью,
И новостройки города не спят.
Такой уж век!
Нельзя ко сну склоняться,
Где с каждым шагом —
 новый поворот.
На час приляжешь...
 и ведь может случиться,
Что жизнь шагнёт
На много лет вперёд.
Её дыханьем город ночью полнится,
Над Ленинградом белая бессонница.

Вечер в лапах мохнатых
Прячет солнечный лик.
За притихшие хаты
Ветры день увели ...

И опять звёздный улей
И озёрная гладь...
Встанет ночь в карауле,
Чтобы их охранять.

Но лишь утро заглянет
В эту пропасть без дна,
Расплывётся, затаит
Звезды
Г о л у б и з н а.

Подари мне...

Подари мне простое счастье,
Полушёпот лесных озёр.
Подари мне
Тепло в ненастье
И пылающий
ночью костёр.

Подари мне
Свои заботы,
Радость грешника,
Труд святых.

Подари мне,
Чтоб где-то, кто-то
Для меня
Собирал цветы.
Подари мне
Моря и сушу,
Слово верное
Уготовь.
Подари
Беспокойную душу,
Подари мне...
 моя любовь.

Только снег

Только снег,
Только снег...
Буйствует метелица.
Всё бело —
Замело.
Снеговая мельница
Закружила меня
В полуночном городе.
Я опять без тебя
На морозе-холоде.
Только снег,
Только снег...
Примерзают валенки.

Под ногами хрустят
Хрупкие хрусталики.
Что-то ночь
Ворожит,
Чьи-то окна светятся.
Слушай, ночь!
Подскажи,
Как с любимой встретиться?

Т. М.

Ты так близка –
Лишь руку протяни.
Мне даже Млечный путь –
Не расстоянье.
И тем нелепей
Расставанье,
Когда мы
В звёздной полночи
Одни.
Ты так близка...
Лишь руку протяни.

Не найти
Океана бездонней,
Чем бездонность
Твоих ладоней.
И не знаю
Я большей награды,
Чем напиться из них
Прохлады.

Что же стало тому виною,
Не хватает тепла весной,
Солнца,
Чтоб снегу стаять.
Журавлю одинокому —
Стаи.
А мне...
Лишь тебя не хватает.

Нелли Мышкина

Нелли Мышкина родилась в 1956 г. в Днепродзержинске на Украине. Окончила Солигорский горно-химический техникум им. Мориса Тореза. В Апатитах живёт с 1976 г. Работает в Горном институте КНЦ РАН. Стихи пишет с 2009 г., размещает их в Интернете.

Осень

Шла осень, красками играя,
Встречалась с тёплым сентябрем,
И лес, как будто засыпая,
Укрылся золотым дождём,

Раскинув холст, она спешила,
Мазками небо подсинить,
Добавив красоту сапфира,
В небесно-голубую нить.

Кружил легко и грациозно,
Ее волшебный листопад,
И не влюбиться невозможно,
В прекрасный осени наряд!

Васильки, васильки на широком бескрайнем просторе,
Яркий полог небесных цветов полевых,
Даль цветами манит, как безбрежное синее море,
Шелестя на ветру, сладко нежась в лучах золотых.

В прямом воздухе резво порхают стрекозы,
Шмель мохнатый лениво жужжит над травой.
Васильки, васильки, вы милей и прекрасней, чем розы,
Напоённые солнцем и утренней влажной росой.

Как хотелось бы мне раствориться в безоблачной сини,
И над радужным полем увидеть струящийся свет.
Васильки, васильки с тёплым летом вы нежно простились,
Оставляя в полях синий скошенный след.

Елена Неупокоева

Елена Олеговна Неупокоева родилась в 1995 г. в Апатитах. Училась в апатитских школах. Лауреат фестиваля детского творчества «Овация», дипломант конкурса «Рубцовские чтения». Пишет стихи и прозу. Редактор сборников «Любви, надежды, тихой славы...» (2011), «На перипетиях разума» (2012). Учредитель литературного клуба «Плитк@».

Осенняя пастель

Озеро белое листьями прелыми
Занято будто до дна.
Лишь в полынье, словно в грязном окне,
Плещется шарик-луна.
Голые ветки в закрытые клетки
Серого неба летят.
Пенек у тропинки стоит, вполовинку
Покрытый семейством опят.
Застыл поволокой поросший осокой
Наш старенький, маленький пруд.
Он мутной водою укрыл с головою
Всё то, что любовью зовут.

Огромная водная толща:
Не видно ни края, ни дна,
Она с каждым годом всё больше,
Серебряной рыбой полна.

Озёр в нашем северном крае
Так много, что не сосчитать.
Одно лишь родное бывает,
И нам его Имандрой звать.

Зима разгулялась на воле,
В волшебные кутает сны.
Огромное снежное поле
Застыло до самой весны.

Весной лёд, конечно, растает –
Вперёд, раскрываться пора!
Одно лишь такое бывает –
Озеро И-ман-дра!

Валентина Петрова

Валентина Ивановна Петрова родилась в 1940 г. в д. Гончаровке Воронежской области. Окончила Московский университет искусств. В Кировске живёт с 1962 г. Работала художником-оформителем, преподаёт в изостудии.

Автор книг «Откровения» (2003), «Рождение города» (2006), «За перевалом времени» (2006), «Художники – флоту. Путевые заметки» (2007), «Хибинская эпопея А. Е. Ферсмана» (2009), «И жизнь, и слёзы, и любовь...» (2009). Член ЛИТО «Алаш»

Предзимье

Суровые тучи,
Дожди и туманы,
Набеги ветров,
Беспощадных и злых.
В пожухлой листве
И леса и поляны,
И горы мрачнеют в раздумьях своих.
И лишь вдалеке,
Как надежда на счастье,
Мелькнёт и погаснет
Испуганный луч.
И снова природа
Готова к ненастью,
К метели и снегу
Из сумрачных туч.

Цветёт сирень и иван-чай,
И сеном пахнет лето.
Я оставляю свой причал,
Чтоб стать чуть-чуть поэтом.

Чтоб снова испытать себя
На прочность и отвагу,
Чтоб север положить любя
На холст и на бумагу.

Здравствуй, Север!

Здравствуй, Север, я к тебе пришла!
Заклучи меня в свои объятия!
Милым, светлым я тебя нашла.
Падаю у гор твоих распятем!

О, как пахнет ширь твоей груди!
Ты в венке полярного цветенья.
Только раз ты мне сказал: «Приди!»
Я пришла и жажду упоенья!

Я в восторге от твоей красы!
От ковра цветущей, летней тундры.
Мне поют на разные басы
Ветры гор в серебряные трубы!

Владислав Пятовский

Владислав Васильевич Пятовский родился в 1993 г. в Апатитах. Учится в апатитской школе № 6. Лауреат фестиваля детского творчества «Овация», дипломант конкурса «Рубцовские чтения».

Разговор

Отсвет солнца – гаснет хор огней.
Улица пустая, ночь ползёт по ней.
Дышит грустью смутной зимний снежный бор.
Сосны и рябины, шелест-разговор.

Екостровской салмы берег - дом для них...
Нелегко спастись от метелей злых,
Трудно жить без солнца - в Заполярье ночь.
Всё мороз и стужа. Как бы им помочь?!

*Строительство геологического института.
(Ул. Ферсмана, 14). 1959 г. Фото из архива*

Президиум КНЦ РАН. (Ул. Ферсмана, 14). Фото С. А. Хитрова

Светлана Родионова

(1947 – 1985)

Светлана Сергеевна Родионова родилась в г. Гори в Грузии. В Апатитах жила с 1965 г. Окончила заочно филфак ЛГУ. Работала в МГРЭ, в редакционно-издательском отделе КФАН. Была членом ЛИТО

«Хибины», одним из его руководителей.

*Играют люди в шахматы давно.
Их мучат хитроумные дебюты.
Противник бледен,
Словно полотно,
Болельщики вокруг
Плюются люто.
Играют в парках,
В сквериках сквозных,
На профсобраньях,
В клубах,
Электричках,
Забыв о бюллетенях, выходных,
Играют просто так
И по привычке.*

А. Поперечный. Шахматы.

*Давно играют люди в домино.
Стучат по доскам чёрными костями,
Забыв жену, театры и кино.
Скрипя при этом грозно
Челюстями.*

А как играют в карты,
Боже мой!
Забыв о пиве, спорте, о балете,
О выходном, об отпуске, о лете,
Рыча и брызжа яростно слюной.

Ах, бросьте это дело,
Мужики,
И на турнир к нам,
На международный.
Пишите адрес мой:
Нью-Васюки,
Клуб «Два коня».
В семь тридцать.
Вход свободный.

А коль не там — советую искать
Меня на пляже, в бане, в электричке.
На рынке,
В ЦДЛ,
У косметички
(Никак не отрешиться от привычки
С собой доску проклятую таскать!)

Мне кажется, без шахмат я помру,
Но вот обидно мне, что почему-то
Плюётся с отвращением и люто
Болельщик,
Глядя на мою игру.

*- Какая девчонка - тридцать лет!
Это просто усталость, может быть, недосып.
А жизнь утешит. Не надо хмуриться, -
Ведь даже самую старую курицу
Зовут: цып-цып-цып!*

Л. Ошанин. Надела кофточку отвлеченную...

Тридцать лет! Какая девчонка?
Ведь это много - тридцать лет!
А мой возраст - понятие отвлечённое,
Поскольку я - известный поэт.

Ну что же ты злишься, глупая курочка?
Тебя утешу я. А пока
Радуйся тихо тому, что, дурочка,
Ты не годишься на табака.

Почисть-ка пёрышки. Брось хмуриться...
Да, не понять тебе, видно, вовек
Истины старой: не птица - курица,
А баба, тем более - не человек!

*Приходят тишина и философия,
покуриваю кисленький «Дымок»,
И ветхой бородежкой Мефистофеля
дешевый дым вырастает в потолок.
В. Коркия*

Я в клубне прорастающем картофеля,
Покуривая кисленький «Дымок»,
Узрел однажды профиль Мефистофеля.
А Гёте так бы выдумать не мог.

Сидел, курил я в просмолённой комнате,
И вдруг окурки, спички и зола
Так явственно мне Бовари напомнили –
Такое не приснится и Золя!

А как-то раз сидел, дымил махоркою,
И в том углу, где накопилась пыль,
Явилась вдруг мне героиня Горького,
Зловещая старуха Изергиль.

Так что же это, братцы, получается?
Лишь закури - они все тут как тут
По очереди вдруг ко мне являются
О.Бендер, Швейк, Отелло, Робин Гуд.

Сидел я, мучим странною загадкой,
Но сразу принял очень бледный вид,
Когда прочёл на пачке надпись краткую:
«Табак здоровью вашему вредит»!

Субботнее благодущие

*Пахнет медом и берёзой
и квас-ком!
И тверёзо по морозу
бо-си-ком!
Хорошо катиться голым
с ве-тер-ком,
С незлобивым и весёлым
ма-тер-ком!
В. Фирсов*

Как-то раз помыться в бане
я хо-тел,
Потому - за рюмкой ране
у-по-тел.
Вижу - веника-берёзы
нет как нет,
Ну а я уж нетверёзый
и раз-дет.
Не смутился я нимало.
Ну де-ла!
И по улице в чём мама
ро-ди-ла!
Две старушки суетились
на крыль-це,
Увидали - изменили-ся
в ли-це.
- Вот каков поэт столичный! -
го-во-рят, -
А прикинулся приличным,
су-по-стат!
Погрозил я им игриво
го-ли-ком
И покрыл их незлобивым
ма-тер-ком!

*С кем он ночью-то шатается -
Разузнала!
Много было рос обито,
Я к тебе уже не та...
Звонко двинула
Корытом! -
Так и вздрогнул! -
Смехота!*

Т. Смертина. Мосток.

Целый год за ним следила
И воочию
Убедилась:
С кем-то шляется он
Ночью.

Мысль о каре беспримерной
Зародилась у меня,
Я подруженьку неверного
Караулю у плетня.

И оружие серьёзное
Добыто -
Боевое, очень грозное
Корыто.

Я для акта справедливости созрела
И корытом тем соперницу
Огрела.

Я опять в засаде.
Снова пред очами
Он, изменщик,
С кем-то шастает
Ночами.

В чем собака здесь зарыта? –
Я ответ не нахожу.
У разбитого корыта
Под плетнем одна сижу.

Академгородок

Острроверхие крыши
Проседают под шапкою снежной
И дома по сугробам
Акварельных чистейших тонов.
А посмотришь повыше
Подтаявшей синью безбрежной
Небосвод над тобою
Каждый раз удивительно нов.

Над тропинкой алеют
Горячие кисти рябины.
Спит сиреневый куст
До далёкой июньской весны,
А вдали
Горизонт подпирая лениво,
Хибины
Тихо дремлют и видят
Свои сине-белые сны.

Я спешу на работу,
Вбирая в себя мимоходом
Бесконечную гамму
Оттенков и полутонов...
Здесь слились воедино
Человеческий труд и природа.
Каждый день для меня
Здесь всегда удивительно нов!

Академгородок. 2008 г. Фото Н. В. Смоляка

Анатолий Садовников

Анатолий Петрович Садовников родился в 1945 г. в Казани. На Севере с 1971 г. Живёт в г. Мончегорске. Работает настройщиком пианино в гг. Мончегорске и Кировске.

Стихи пишет давно. Автор книг «Про Вовочку» (2008), «Нескучные стихи-1» (2008).

Стоит у причала «Титаник».
Так ласково плещет вода!
Но кнут не загонит, а пряник
Меня не заманит туда.

Корзины, узлы, чемоданы
Заносит в каюты матрос.
Смеялись над ним мальчуганы,
Когда он споткнулся о трос.

Заходят на борт пассажиры.
Как много загадочных лиц!
Бродяги, банкиры, транжиры...
И был, говорят, даже принц.

Дымят высоченные трубы,
Доносится с палубы смех.
Но шепчут недобрые губы:
«Беда ожидает вас всех!»

Вода от винтов всколыхнулась,
В пучине есть место всегда!
С причала им вслед ухмыльнулась
Недобрый ухмылкой беда.

Дрожит на столе подстаканник,
В воде ни дорог нет, ни рельс.
Уходит, уходит «Титаник»
В последний и первый свой рейс.

Академгородок. 2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Константин Свириденко

Константин Игоревич Свириденко родился в 1962 г. в г. Алзатай Иркутской области. В Апатитах жил в 1984-1999 гг. Работал бурильщиком на Кировском руднике. Был членом ЛИТО «Хибины», одним из его руководителей. В настоящее время живёт в Екатеринбурге.

Автор книг «Образы и образа» (1993), «Ледяная луна» (2003).

Не оставаться! Точечная дрожь
Пронзает нервы воспалённой плоти...
Слеза дождя, живущая в полёте,
Прекрасно знает -
Притяженье - ложь!
Есть лишь печаль,
И та - тихонько тонет,
И есть улыбка.
Холоден рассвет,
И просто бьётся дождь
О парапет,
А вот дождинки,
Умирая,
Стонут.

(из цикла «Прощальные стихи»)

Я слушаю последнюю капель...
Упрямый снег просыпался в апреле.
Вздыхая, опускают лапы ели,
Не верившие в позднюю метель.
Я слушаю последнюю капель

А солнце в серый бархат небосклона.
Как рыжий кот, ввалилось, не спеша,
И дышится..
И чувствует душа...
Деревья под последним снегом стонут...
(из цикла «Снежные стихи»)

Летела тень звезды по облакам
Сквозь день.
Сквозь жизнь
Сквозь радость.
Сквозь века...
И к северным морям текла река
Моя река.
Ещё моя река.
И оставалась тоненькая нить,
Звеня струною в равнодушной дымке,
И эту нить –
Нельзя
Не сохранить...

Очарованы ночью розовой
В сонном озере волны плещутся,
И шумит, и шумит берёзами
День полярный четыре месяца...

Нам – привычно. Кому – экзотика?
Всяк кулик про своё болото...
Жалко, летом нельзя без зонтика,
Да и холодно нынче, что-то...

Очарованный ночью розовой,
Я стою. Тихо волны плещутся...
Вспоминаю зиму морозную,
Ночь полярную – восемь месяцев...

(Из цикла «Северные стихи»)

Белая бабочка

Мутное, надтреснутое зеркало устало отразило неструганые деревянные нары, многоногими двухэтажными пауками расставленные по камере, серую, словно специально выкрашенную в цвет уныния, стену и толстые прутья решётки, перекрывающие крохотное окошко, за которым сияло, лучилось, переливалось всеми оттенками синевы свежее весеннее небо.

Огромная белая бабочка плавными взмахами крыльев перечеркнула наискось отрадную картинку и исчезла из поля зрения.

Колдун, следивший за её полётом, криво усмехнулся и перевёл взгляд из глубин зеркала на обитателей камеры. Двадцать четыре пары глаз смотрели на него так по-разному: кто-то настороженно и злобно, кто испуганно-вопросительно, кто равнодушно, а вот тот - тот просто враждебно...

Он ещё раз усмехнулся, разнял скрещенные на груди руки и, отвернувшись от зеркала, твёрдым шагом пошел к свободным нарам в глубине камеры, игнорируя белоснежный, чисто выстиранный носовой платок, заботливо расстеленный у входа.

- Ты посмотри, какой красавчик к нам пожа... - молодой, порядком накачавший мускулы парнишка, решивший начать стандартный приём новичков в камеру, вдруг поперхнулся на полуслове, глаза его быстро заметались по сокамерникам, ища поддержки, защиты, а уже безработный язык всё вытягивался и вытягивался изо рта, достигая немыслимой длины. Создалось странное ощущение, что тонкая, длинная, красная змея, натужно извиваясь, тянется через нары к новичку. Колдун остановился и чуть повернулся, искоса наблюдая за бедным парнем. Язык того, достигнув уже более чем трёхметровой длины, рос и рос изо рта хозяина, и вскоре стал скручиваться аккуратными кольцами у ног колдуна.

Парень хотел потерять сознание, умереть, но колдун не позволил ему такой роскоши - ещё несколько секунд назад здоровое, цветущее тело теперь усыхало, на глазах уменьшалось в размерах, а бухточка языка у ног колдуна всё толстела, исправно наматывая на себя все новые и новые витки. Чародей не двигался, только глаза его горели яростным, дьявольски жёлтым огнём, силившимся выплеснуться наружу,

но этому огню некуда было выплёскиваться: камеру затопил ужас.

Двадцать три человека, потерявших дар речи, в немом молчании наблюдали, как их сокамерник превращается во что-то длинное, красное, ужасное, не поддающееся описанию - в свой собственный, гипертрофированный язык!

Длинная красная лента наматывалась и наматывалась, истощая хозяина, но всему приходит конец - голова человека стала быстро уменьшаться, словно вжимаясь в саму себя, и только глаза, безумные, вращающиеся в орбитах, остались без изменения и, увенчав самый кончик этого красного неизвестно чего, поползли к колдуну.

Чародей поднял руку на уровень пояса и тонкий кончик языка с глазами на вершине приподнялся, как кобра под дудку факира. Под глазами внезапно появилась тоненькая поперечная трещинка, быстро углубляющаяся и растущая, и вскоре превратилась в карикатурный, беззубый рот. Глаза, закрывшиеся было, вновь открылись и одного взгляда в них было достаточно, чтобы понять: человек, превратившийся в свой собственный язык, сохранил разум, был жив! И то, что он был жив, казалось ещё страшнее, ещё ужаснее, чем само это невиданное событие, происшедшее в маленькой, грязной тюремной камере.

Двадцать четыре пары человеческих глаз не моргая смотрели на колдуна, и взгляд их выражал одно: неподдельный, почти осязаемый, человеческий ужас!

Чародей взмахнул рукой и только что сотворённая красная змея, повинуясь его жесту, заскользила по грязному полу камеры, достигла параши и стала исчезать в

канализационной трубе, быстро разматывая ужасные, непередаваемо противные, скользкие красные витки.

- Кто-нибудь ещё хочет на свободу? - тихо спросил колдун.

Двадцать три рта хранили молчание. Ужас, повисший в камере, не рассеивался.

Колдун подошёл к освободившимся нарам, сбросил на пол одежду, оставшуюся от человека, и спокойно лёг на его место. Сосед снизу тихонько взвизгнул и метнулся прочь, в глубину камеры, к непрестижной параше. Колдун проводил его презрительным взглядом и в камере вновь воцарилась душная, напряжённая тишина.

Он вздохнул, заложил руки за голову и поудобнее улёгся на нарах, глядя в оконце на зарешёченный мир.

- Я хочу поговорить с тобой.

Голос, прозвучавший рядом, не содержал ни страха, ни подобострастия. Занятно! А, этот, равнодушный... Колдун ещё при входе успел мгновенно уловить характеры обитателей камеры, словно просканировал картинку, и теперь она чётко разложилась по полочкам в его холодном, расчётливом разуме.

- Говори.

Он чуть повернул голову: стоявший у его нар заключённый ещё не был стар - лет сорока от роду, но в его тёмных волосах поблёскивали заметные седые пряди. Глаза, чёрные и внимательные, с лёгким восточным прищуром смотрели в глаза чародею.

- Мне интересно, что ты тут делаешь? Белая бабочка вновь тревожно взмахнула крыльями в

безмятежной синеве зарешечённого неба, но колдун взглядом отослал её назад, в пространство, закрытое толстой тюремной стеной.

- Грубоват ты что-то... - колдун прищурился, следя за реакцией заключённого. Тот слегка усмехнулся:

- Негде было хорошим манерам обучаться. Но не обо мне разговор.

Заключенный переступил с ноги на ногу:

- Я так понимаю, такому парню, как ты, вылезти из тюрьмы - как два пальца обмочить? Вот мне и стало интересно, какого хрена ты тут делаешь. По сути, тебя же менты даже поймать не могли бы, так ведь?

Чародей с интересом взглянул на "зэка":

- А ты, оказывается, ещё и головой умеешь работать? Если мозги на месте, почему же тебя-то посадили?

- Со мной всё просто, я-то человек, хоть и "мокрушник", а вот ты - не знаю ...

- Я не убиваю людей! - резко сказал колдун, со злостью взглянув на своего собеседника.

- Мы о чём говорим - о теле или о душе? - как ни в чём не бывало осведомился "зек", без смущения глядя на чародея.

- Вот уж не ожидал... - колдун почти растерялся, приподняв голову и пристально изучая лицо человека. Содержимое крохотной полочки с этикеткой "равнодушный" с почти слышным щелчком переместилось в чётко построенном разуме колдуна на добрую сотню полочек выше.

- Я немножко ошибся в тебе...

- Ну, понятно... С одной стороны ты - сверхсущество, что-то из ряда вон, и вдруг где-то в грязной тюрьме какой-то

убийца... Несоответствие... - почти лениво проговорил человек.

- Несоответствие... - повторил колдун и даже не рассердился. Только глаза его, жёлтые, нереальные, вдруг подёрнулись неземной печалью.

- Знаешь, а мы похожи... - через несколько секунд продолжил чародей.

- Представь себе зарастающее ряской озеро. Где-то в глубине прячутся лещи и сомы, над водой - птицы всякие разные. А в ряске - головастик мечется, маленький, серый. Два сантиметра вниз - ух, темно, холодно! Наверх - там солнце жжёт! Понимаешь, да? Не для тебя такая жизнь, верно?

- А ты, значит, считаешь, щукой быть - лучше? - спросил человек.

- Нет, я предпочитаю змей. По крайней мере есть возможность видеть сушу, пусть полёт не для меня, - колдун печально улыбнулся.

- Суша - штука коварная. Она сложнее и злее, - человек тоже улыбался, почти незаметно, одними уголками глаз.

- Да, этот мир всё время ждёт, что я поскользнусь и убью кого-нибудь. Он заставляет убивать, что страшно. И сопротивляться ему очень трудно.

- Знаю. Я не смог... - сказал человек.

- Я попробую, - чуть слышно, но твердо ответил колдун.

В окне, за решёткой, огромная белая бабочка бесшумно взмахнула крыльями в тёплом, переливающимся всеми оттенками синевы, небе, и стала медленно удаляться от тюремных стен, чтобы подглядывать издали...

Виталий Секриеру

Виталий Леонидович Секриеру родился в 1949 г. в Молдавии. Окончил Севастопольское высшее военно-морское командное училище им. Нахимова. На Севере с 1978 г. В Апатитах живёт с 1984 г. Работал корреспондентом в СМИ Мурманска, Швеции и Франции. Член Оргкомитета Рубцовских чтений в Апатитах. Секретарь Ассоциации независимых журналистов России.

Посмотрите на сизое облако –
и десятка минут не пройдёт:
не отыщете прежнего облика,
то же облако - облик не тот...

И опять пролетели недели -
и погожие дни пронеслись;
и опять мы с тобой проглядели
голубую бездонную высь...

Древний храм над старинным погостом,
листопадная тихая грусть...
Белый цвет надмогильных берёзок -
под надгробьями спящая Русь...

Далеко, как до Господа Бога,
до истоков её, до начал;
до Крещенья, до первых острогов -
до монгольского злого бича...

До её колокольного звона -
он умолк... Растворился в веках;
а над Русью - всё те же вороны,
и всё те же над ней облака.

Та же тишь... Всё по-русски, всё просто -
меж могил золотые листы;
и берёзы, и храм над погостом,
да глядящие с храма кресты...

*На поэтов во все времена
не верёвка, так пуля готова.
Зазевался - придушит жена,
как когда-то Николу Рубцова...*

С. Сырнева. Человек тридцати пяти лет...

Ему б любить и ненавидеть.
Ему бы пить и не хмелеть.
Ему б судьбу свою увидеть -
Увидев, чтоб не пожалеть...

А он любил бесповоротно,
До дна, до капли, и хмелел;
Что это зелье приворотное –
Не знал... А может, не хотел?

Как будто знал, что срок отпущен,
Немного больше, чем Христу...
И он спешил совсем, как Пушкин,
На речку Чёрную свою...

Ему б любить и ненавидеть.
Ему бы пить и не хмелеть.
Он не хотел судьбу предвидеть –
Как будто знал, что это смерть...

Дом печати (ул. Ленина, 20). 1967 г. Фото из архива

*Типография и редакция газеты «Кировский рабочий»
(ул. Ленина, 20). 1979 г. Фото С. А. Хитрова*

Александр Стрельников

(1972 – 2012)

*Александр Стрельников родился в
Кандалакше. В 2000-х годах жил в
Апатитах.*

На снежном холме

Их были сотни (быть может тысячи)
Стучали в танцпол... кеды, шпильки, вэнсы...
Запах гашиша, пары алкоголя... смех (пустой, убивающий,
мерзкий...)
Стробы слепили глаза...
И стоя на снежном холме (на холме моего одиночества)
Я плакал и прятал глаза
Ибо понял -
Никто никому не нужен,
Никто никому не должен...
И когда говорят – «Люблю...»
Это временно...
Часто неискренне...
Я прятал глаза (от того что боялся признать)
Признать моё родство с этими сотнями (быть может тысячами)
Никому ненужных, забытых, одурманенных...

Они встают в "позы"
Читают модные книжки,
Ходят в бутики,
Предают любимых (на завтрак)
Признаются в любви(в обед)
Размышляют о суициде(под вечер)
И говорят: -Всё хорошо! Это просто жизнь...
Просто...
Жизнь
Кто выдумал это?
Кто продал пустоту этим сердцам?
Отчего бегут они, не зная куда...
Прячутся...
Но нет им убежища...
Эй! ДиДжей! Давай...
Бармен! - Налей ещё!
Дайте сигарету!
Умрём красиво...
Хотя бы так...
Не научившись жить...
Не став нужными ...
Любимыми...
Людьми...
Умрём на снежном холме нашего одиночества...
Пока стробы спят глаза...
Пока дурманит трава
Пока звучит музыка...

Снег в июле...

Уходишь...Ты бредом была(очевидно)

Любовь, ты как снежная рана в июле

Хоть раньше такой не была...

Мне казалось что это не кончится

Вечность(лишь милая выдумка Бога)

И мне...не дано обладать

Даже снег на ладонях водой истекает

Бумага горит(горят даже рукописи, хотя мне твердили обратное)

Глупость какая...

Решил обладать человеком(любимой женщиной)

Она протекла слезою

Стала снегом в июле

Моей сгоревшей рукописью(иль просто считал что моей)

Как банально сказать что мне больно...

Но как по другому?

Кто сказал что мужчины не плачут?

Я плачу...(и что мне с того?)

Что мне от слёз или мужества?

Что мне во всём этом, если больше не будет тебя?

Уходишь...И так странно совпало

Неожиданно

Пошёл

Снег

В июле...

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Сергей Супиченко

Сергей Владимирович Супиченко родился в 1987 г. в Апатитах. Окончил Филиал Костромского государственного университета в г. Кировске. Живёт в Апатитах. Работает в Кировском городском Дворце культуры. Стихи начал писать с 13 лет. Произведения размещает в Интернете.

Проживайте

Ты пойми, что не может мгновеньем
Наша жизнь пролететь безвозвратно!
Каждый миг - это целая вечность,
И ему не вернуться обратно.

Посмотри, посмотри же в оконце:
Жизни дни улетают как птицы
И багровое красное солнце
Обожгло столь больные ресницы.

Вспоминай, вспоминай, но не вспомнишь.
Лишь когда распахнутся объятия,
Вот тогда твои воспоминания
Хлынут в небо, с тобою прощаясь.

Твои тёплые, милые слёзы
Я стою и рукой вытираю.
Ровно три нежно-алые розы
На ветру тихо вдаль улетают.

Ты пойми, что ты можешь проститься
Не со мной! А с проклятым тем прошлым.
А со мною к тебе возвратится
Память дней, пролетевших как вечность.

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Виктор Толокнов

(1939 – 2001)

Виктор Павлович Толокнов родился в Кыштыме Челябинской области. Окончил заочно Мурманский государственный педагогический институт. В Апатитах жил с 1968 г. Работал в СГПТУ № 11. Был членом ЛИТО «Хибины», одним из его руководителей. В 1991 г. вернулся на

Урал.

Автор книг «Подснежник» (1968), «Весло» (1987), «Станция трудовая» (1987), «Денница» (1989), «Плато» (1990), «Соловьи мои – снегири» (1998), «Лицом к дороге» (2001).

Сколько пасмурных дней
пролетело, ушло.
Сколько, ясных промчалось
блеснуло полудой.
Но осталось твоё
неизменным тепло
вопреки холодам – пересудам.
Я ценю твоё чудо –
любить и помочь
добрым словом,
улыбкой,
молчанием,

если даже до встречи
полярная ночь,
и две тысячи вёрст -
расстояние.
В затажной канители
привычных забот
вяжет ноги метель,
словно полоз,
но несую я с плато –
с расвумчоррских высот,
в своём сердце твой
солнечный образ!

Столбик ртути упал и – «глухо».
Настроение следом - вниз.
Третий день на плато заваруха -
Переходы с вытья на свист.

Мы устали под вой метели
В её адрес искать слова,
И от курева, от безделья
Низко клонится голова.

Ждём, когда, громыхнув доспехами,
Бухнув валенком в дверь - печать,
Бригадир прохрипит:

"Поехали!

Настроение поднимать!"

Скажи мне слово – Родина!

Скажи мне слово - Родина!

И я увижу дом,
Цветущий куст смородины

Под маминым окном.

Увижу зорьку алую,
Припавшую к сосне.

Увижу речку малую
И радугу над ней...

Скажи мне слово - Родина!

И я увижу вдруг –
Пушицей по болотинам
Пролег Полярный круг.

Пахнет в лицо немерено
Ветров его гульба.

Что Север!? Думал - временно!

А вышло-то - судьба...

Скажи мне слово - Родина!

И в голосе твоём
Послышится мне вроде бы
Далёкий майский гром,
Биение сердечное
Ключа из-под камней –
Напевное и Вечное
Святой земли моей!

Люблю дожди за откровенье,
за добрый нрав,
за очищенье – обновленье
лесов и трав,
за окна города, в которых
небесный плёс,
и за омытый поезд скорый
с крыш до колёс,
когда лазурью, а не ртутью
покрыта даль
и всех потерь на перепутье
острее жаль,
но легче груз судьбы, поклажи
и дальше - свет,
и чётче видишь тех, кто машет
тебе вослед.

Льёт из-за туч молодой рассвет,
Дождь - золотым контрастом.
Кто говорит, что любовь - момент,
Осень придёт - и баста ?!
Кто говорит, что сгорит дотла,
К опыту лет взывая?
Вся ты весенне светлым - светла,
Вся - воплощенье мая!

Нежно зову, величаю, рад.
Губы. Порыв. Ресницы.
Пусть говорят - закружил листопад!
Это не листья, птицы!
Слышишь, для нас снегири поют
В ласковой кроне сосен!
Горы, любимая, горы цветут –
Значит, ещё не осень!

Больничные стихи

Годы-кони...

Отскакали мои русогривые –
Отплясали под ветром Хибин,
Притомились, стоят молчаливые
Возле гор –
Дрожь потёртых хребтин.
Только рано их списывать!
Рано!
Пусть не те - и осанка, и прыть
-Отойдут, встрепенутся, воспрянут
И - пойдут...
Дай подковы подбить!

Встреча молодых строителей (станция Апатиты). 1950-е гг.

Монумент первым строителям. 2008 г. Фото Н. В. Смоляка

Алёна Чемурова

Алёна Игоревна Чемурова
родилась в 1985 г. в Апатитах.
Окончила КФ ПетрГУ, работает
на АНОФ-3. Стихи пишет с 17 лет.

Автор книг «Спеши
любить...» (2008), «Актёр» (2010).
Член лито «Алаш».

Не пачкайте душу обидами...

Не пачкайте душу обидами,
Не тешьте гордыню свою,
Запрут они дверь приоткрытую,
Столкнут,
если встал на краю.

Забудьте цинизма учения,
И слог эгоиста «лишь Я»,
С таким багажом в ходе времени
Спросите,
нужны ли друзьям...

И скупости блажь неизменную
Старайтесь пресечь на корню,
И вместо привычного «требую!»,
Послышится пусть
«я дарю...».

Из тонких нитей шёлкового сна,
Из алой ленты розы нерасцветшей
Его, как сказку, сердцем соткала
Из листопада осени прошедшей.

В родных глазах, как хрупкая свеча
Слезой янтарной тихо растворялась,
И сладко-грустной музыкой звуча,
Замеченною стать Она старалась.

И душу чувствами наполнила Его,
Судьбу палитрой света расписала,
Но что в душе любимого темно,
И сердца нет – Она того не знала...

Не сожалея больше ни о чём,
В объятьях дня устало ночь утонет,
Уходит прочь с подрезанным крылом,
Оставив сердце... на Его ладони...

Тиха, доверчива, скромна...

Холодной ночью у окна
О несложившемся рыдает,
Тиха, доверчива, скромна,
Её никто не разгадает.
Тиха, доверчива, скромна...
Но, не выказывая боли,
Её удел, её судьба
Играть совсем иные роли...

Рождённый день, и вновь она
В сиянье солнечном выходит,-
 Легка, отчаянна, мила,
Улыбка с алых губ не сходит.
Весь мир как будто бы у ног,
Ведома за руку удачей,
И словно воздуха глоток –
Счастливая! И не иначе.

 Легка, отчаянна, мила,
В круговороте чьих-то будней,
Но лишь останется одна –
Перерождается как будто.

И снова ночью у окна
О несложившемся рыдает,
Тиха, доверчива, скромна,
Ее никто не разгадает...

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Светлана Широкова

Светлана Владимировна Широкова родилась в 1971 г. в Апатитах. Окончила Апатитское медицинское училище. В 1998 г. потеряла зрение.

Автор книг "Приди мое счастье" (2006), «Школьная подруга» (2009) (на русском и эсперанто), «Серебряная нить» (2011). Автор аудиокниг «Осенний вальс» (2010), «Июньский холод» (2011), «Белая

птица» (2011), «Мои мысли правдивы» (2011).

Душа замёрзла и устала

Душа замёрзла и устала
Быть в одиночестве своём.
Мне почему-то грустно стало,
Что мы сегодня не вдвоём.
Иду по улице вечерней,
Где ярко светят фонари.
Кружатся белые снежинки,
Как будто звёздочки в ночи.
Под Новый год бывает чудо.
И этим чудом будешь ты.
Наверно, это очень мудро,
Когда сбываются мечты.

Подарок на Восьмое марта

У многих людей в России март месяц ассоциируется с праздником Восьмое Марта, который воплотила в жизнь женщин Клара Цеткин. За рубежом Восьмое Марта считается праздником весны и цветов, а у нас в России считается Женским днём. И вот я в предвкушении праздника и нового знакомства с молодым человеком, который, между прочим, сам захотел со мной познакомиться, купила себе новый костюм.

Когда я проснулась Восьмого марта, мой взгляд упал на новый наряд, который висел на дверце шкафа. Я до хруста в костях потянулась в кровати и посмотрела на часы. Времени было без десяти девять утра. Я встала и подошла к окну и, раздвинув шторы, увидела, что за окном прекрасный весенний день, там светило солнышко и пели птички. Повернувшись к зеркалу туалетного столика, я сказала своему отражению.

- Раз сегодня женский день и у меня выходной, да к тому же со мной хочет познакомиться молодой человек для серьёзных отношений, значит, это утро я посвящу себе. – И я пошла, наполнить ванну водой. Когда ванна наполнилась, я добавила в неё лавандовое масло и погрузилась в неё. От блаженства я закрыла глаза и тут же услышала: «Мяу». Открыв глаза, я увидела, что на краю ванны сидит Цезарь. Цезарь – это мой пушистый сибирский кот чёрного цвета с белым галстуком и белых тапочках. Мой любимец на удивление был умным котом. Когда мне было одиноко и плохо, я всегда разговаривала с ним, рассказывая ему о своих горестях. Цезарь всегда внимательно слушал меня и иногда тяжело вздыхал, понимая мою боль одиночества. Вот и сегодня я стала рассказывать ему о том, что меня мои друзья хотят познакомить с молодым человеком для серьёзных отношений, как во входную дверь позвонили. Мы с Цезарем переглянулись и притихли. В дверь снова позвонили.

- Не будем открывать. Мы ещё спим или нас нет дома. – После этих моих слов в дверь постучали. Испугавшись стука, Цезарь спрыгнул с ванны и побежал в коридор. Стук повторился, и мне ничего не осталось, как в впопыхах схватить первое, что попало под руку. Этим первым оказалось большое махровое полотенце. На ходу я обернула себя полотенцем и тихо приблизилась к двери.

- Кто там! – Крикнула я, но мне не ответили, а снова позвонили продолжительной трелью. – Что Вам надо?!

Но вместо ответа, я услышала: «Бух, бух, бух!»

Кто-то настойчиво ломился ко мне в дверь. Ну что делать? Если не открыть, то выбьют дверь, а мне потом идти в гости. Да и кто одинокой женщине в Восьмое Марта поставит дверь на место? Пришлось открывать дверь. Не успели щёлкнуть замки, как дверь сама распахнулась, ударившись об стену, и на меня упало что-то огромное и дурно пахнущее перегаром. Через пару секунд я сообразила, что на мне лежит мертвенно пьяный мужик, да и к тому же уже храпит. Я попыталась его оттолкнуть, но не тут-то было. Этот бугай просто пригвоздил меня к полу, а я как порядочная женщина в одном полотенце, обёрнутом вокруг моей наготы. Пока я, кряхтя и пыхтя, вылезала из-под этого борова, полотенце зацепилось за молнию на его куртке и, конечно же, оголило меня. Испуганная стуком и грохотом бдительная соседка, живущая напротив, увидела всю эту сцену и закричала:

- Позорники! Извращенцы! Хоть бы двери закрыли, а то с утра пораньше их приспичило. Ужас!

И вредная старуха грохнула своей дверью. Я же, устыжённая старухой, бросилась в комнату, чтобы надеть на себя халат. Надев халат, я вышла из комнаты и стала разглядывать лежащего на полу моей прихожей борова. Приглядевшись к существу похожего на мужчину, я в нём признала соседа с верхнего этажа. Мужик удовлетворённо

храпел, а Цезарь недовольно на него шипел, превратившись в большой меховой шар. Мне ничего не осталось, как подняться на этаж выше и позвать жену этого горе-мужа, оставив открытую квартиру на попечение Цезаря и пьяного храпуна. Я позвонила в квартиру лежащего в моей прихожей мужика и дверь мне открыла гарная женщина, не уступавшая размерам своему мужу.

- Вы меня извините, но Ваш муж спьяну перепутал квартиру и теперь рухнув на пол моей квартиры спит мертвенным сном. – Соседка огрела меня таким взглядом, что мне в пору было удавиться. И это я ещё упустила тот момент, что когда я открывала дверь, то была в одном полотенце. Надавав пощечин и оплеух своему пьянице, соседка Тамарочка потащила своего муженька домой. Инцидент был исчерпан, а настроения празднования Международного Женского дня уже не было. Но меня ждали Валера и Таня в гости, чтобы познакомить с Анатолием. Сделав макияж и надев свой новый костюм, я посмотрела на себя в зеркало.

- Ну, чем не хороша мадам?

Из дома я вышла в час дня, решив прогуляться и по дороге в гости купить торт и букет цветов для Тани. Я шла прогулочным шагом по своему любимому городу, и настроение становилось всё лучше, так как мужчины шли с букетами цветов, а женщины улыбались чарующими улыбками. В одном из супермаркетов я купила большой торт, а неподалёку от Таниного дома в цветочном ларьке шикарный букет для подружки. Когда я стала переходить дорогу, то увидела большую лужу. Не успела я ещё подумать, как мне обойти эту лужу, как откуда не возьмись, вылетел автомобиль и на дикой скорости пронёсся мимо меня. Водопад грязной холодной воды окатил меня с головы до ног. Если бы это случилось рядом с моим домом, то я непременно вернулась бы домой и больше бы никуда не пошла. Но я стояла на углу

дома Тани и Валеры. Разозлившись на такой дурачки день, я перешла дорогу прямо по этой огромной луже. Увидев такую гостью на пороге, хозяева ахнули и стали приводить меня в порядок. А я, между делом, стала рассказывать об утреннем инциденте. Мы все весело смеялись. Насмеявшись вдоволь, мы все уселись за стол. Валера всё поглядывал на часы и удручался, что его пунктуальный друг Анатолий так задерживается. За столом стала чувствоваться напряжённка. И тут в дверь позвонили. Валера побежал открывать дверь, а у меня перехватило дыхание и часто застучало сердце. В прихожей послышались весёлые возгласы. Оказывается Анатолий пришёл сам и привел ещё одну семейную пару, с которой никто не был знаком. Друг Валеры нас всех перезнакомил, и хозяева посадили Анатолия рядом со мной. Молодой человек, который хотел познакомиться со мной для серьёзных отношений, мне сразу же не понравился, так как я в нём увидела пьющего человека. А вот Иру и Максика, как звала его жена, я бы даже на порог не пустила, так как сразу видно по этим людям, что они прохвосты.

Анатолий не стеснялся и наливал себе и своим друзьям водку в рюмки, из-за чего вскоре сильно опьянел и стал меня донимать рассказами о всякой ерунде. А довершении всего случайно опрокинул на меня фужер с вином. Мой новейший костюм был бесповоротно испорчен. На ярко бирюзовой ткани было огромное пятно от красного вина. Увидев это, Таня засуетилась и побежала за солью. А я, молча встала, промокнула полотенцем вино и пошла в прихожую одеваться. Когда подружка выбежала из кухни с солью, то я уже застегивала пальто.

- Пойду я, Таня. Спасибо за праздник.

- Может Толик тебя проводит?

- Смотри, как бы тебе не пришлось его провожать.

Усмехнулась я, а сама подумала, что она и Валера хотят избавиться от этого пьяницы.

Чтобы не было больше никаких происшествий, я вызвала такси и без проблемно доехала до дома. Когда я подъезжала к своему подъезду, то увидела ребятшек, которые задрав головы, смотрели на огромный старый тополь. Расплатившись с таксистом, я подошла к ребятам и тоже посмотрела на верх. Меня чуть удар не хватил. На тополе сидел мой Цезарь. Пока я приходила в себя, девочка пяти лет мне доложила всю ситуацию. Оказывается, когда они играли на скамейке, на них сверху упал кот. Но тут со второго подъезда прибежала собака Жюлька и налетела с лаем на кота. Кот подскочил, ударил Жюльку лапой по морде и вскочил на тополь, забираясь все выше и выше.

- Тётенька, помогите нам его снять, – попросил мальчик лет восьми.

- Цезарь, миленький слезай. Пойдём домой, – чуть ли не плача сказала я. Услышав мой голос, кот замыкал, а я всё настойчивей стала звать его. Бедное животное кралось с ветки на ветку, боясь снова шмякнуться на землю. И вот остался метр до меня, как вдруг Цезарь спрыгнул ко мне на грудь и всем своим существом прижался ко мне. Ребяшня ликовала, что кот спасен. А я прижала своё сокровище к груди и пошла домой.

Намыв и накормив кота, я стала ему рассказывать о неприятном знакомстве с Анатолием. Цезарь меня внимательно слушал, и его большие зелёные глаза светились какой-то радостью.

- Ну, а ты чего? Опять за птичками охотился? Ах, Цезарь, это я сама виновата, что балкон не закрыла. Если бы я закрыла балкон, ты бы не свалился с четвёртого этажа.

Кот вскочил ко мне на колени и лизнул меня в щёку, прося таким способом прощения. А потом, устроившись у

меня на коленях, замурлыкал. Какое-то время мы так сидели и наслаждались присутствием друг друга, а потом я увидела, что у меня стоит целое ведро с мусором. Переложив Цезаря в кресло, я решила вынести мусор и улечься пораньше спать.

Когда я вышла из подъезда с мусорным ведром, то увидела, что в двадцати шагах от моего подъезда дерутся четверо мужиков. Я очень была рада, что к мусорным бакам мне идти надо в другую сторону. Быстрыми шагами я направилась к углу дома, чтобы скрыться с их поля видимости. Зайдя за угол дома, я пошла тише, так как перед сном хотелось прогуляться. Когда я возвращалась, то дерущихся мужиков уже не было.

- Вот и славненько, – сказала я сама себе. Я вошла в свой подъезд и стала не торопясь подниматься на свой этаж. Каково же было моё удивление, перемешанное со страхом, когда я увидела мужчину, который сидел на ступеньках прямо около моих дверей! Несколько секунд мы смотрели друг на друга, оценивая ситуацию, в которую мы попали. Разглядывая мужчину, я поняла, что он не бомж и не забулдыга, а человек, который попал в какую-то передрагу. Мужчина был дорого одет, хотя его рубашка и брюки порваны и испачканные грязью. На его ногах не было обуви, а были мокрые рваные носки. В руках он крутил тёмно-синий галстук в мелкую полоску. Мужчина поднялся, давая мне пройти. Я опустила глаза и стала подниматься по лестнице и вдруг услышала такое отчаяние в колесе, что сердце дрогнуло.

- Девушка, у Вас есть телефон? Мне надо позвонить, чтобы за мной приехали и забрали. Глупая ситуация, но меня ограбили и раздели, прямо у Вашего подъезда.

- Так это тебя у подъезда трое мутузили? – Молодой человек ничего не сказал, видимо досадуя на ситуацию. Наверно, мне надо было вынести мобильный телефон на лестничную площадку, но за сегодняшний день у меня и так

репутация подмокла. Не хватало ещё, чтобы эта старая перечница подслушивала и злорадствовала и тут. Открыв дверь в квартиру, я запустила мужчину вовнутрь.

- Иди на кухню. – Скомандовала я. – Нет, стой. Снимай свои мокрые и рваные носки, а то заболеешь. Вот тебе тапочки, надевай.

Мой ночной гость повиновался. Пока он возился с носками, я принесла ему мобильник: «Посмотри, сколько там денег, а то вдруг не хватит на звонки».

- Я всё возьму. – В ответ я махнула рукой. Гость набирал телефонные номера, и всё, как видно, безуспешно. Когда я пришла на кухню, неся в руках чистое полотенце, мужчина обречённо сказал:

- Никто не берёт трубку, или все в дым пьяные

- Я так и думала. Тогда давай знакомиться. Меня зовут Марина. А тебя?

- А меня Андрей, – с готовностью ответил молодой человек.

- Иди под горячий душ, а потом я тебя чаем с мёдом напою. Спать будешь на диване в большой комнате. Я тебе уже постелила.

– Спасибо Марина за всё.

Андрей взял полотенце и, улыбнувшись, пошёл в ванну. А я направилась на кухню и поставила на плиту чайник, после чего взяла Цезаря на руки и спросила его.

- Ну что, Цезарь? Правильно мы с тобой поступили? Думаю, правильно. Хоть и попадаем сами в неприятности, а людям помогать надо. Вот тебе и подарок на Восьмое Марта.

Кот прислушался к звукам в ванне и поспешил спрыгнуть с моих рук. В тот вечер никто не знал и даже не подозревал, что Андрей – это подарок судьбы на Восьмое Марта, который впоследствии станет мужем.

Елена Штурнева

Елена Викторовна Штурнева
родилась в 1972 г. в с. Погребки
Курской обл. В Апатитах живёт с
1990 г. Окончила Мурманский
государственный педагогический
университет. Работает
учителем-словесником в
apatitskoy школе № 3.

Произведения размещает в Интернете.

Увидеть первый одуванчик и – заплакать.
А он, бродяга, желторот, желтоголов.
Глоток воды, живая хлеба мякоть:
ведь мир до боли прост, понятен и суров.

Не нужно ничего, лишь подойди поближе
и, руку протянув, погладь по голове
отца, ребёнка, друга. Так и солнце нижет
на ниточку любви росинки на траве...

голос нежнее нежного,
влажнее песка прибрежного,
тише июльской травы.
в шаге от неизбежного
небытия кромешного

не подниму головы.
полудня терпко-смолистого,
горечь луча золотистого,
боль – это верный знак,
что ты жива. неистово
будет июль насвистывать,
отодвигая мрак.

снег апрельский
мёртвый, чёрный
странно
снегом называть.
на цепочке
кот учёный
молвит:
полно горевать,
ешь
озябшее варенье –
ягодки в меду.
будет смерть и воскресенье
и звезда во льду,
будет сон,
дурной и рваный,
маками цвести,
но не будет донны Анны
и небес в горсти...

не исцеляй, не надо –
память всегда права.
листьями винограда
поймана синева.
молча идёт навстречу
старец, согбен и тих.
где мне постичь науку
любить – любых?

такая долгая разлука,
как будто смерть.
ничем не выразима мука
любить и сметь,
края растерзанной вселенной
соединять.
побыв пылинкой, буквой, пеной,
собою стать.

...там всхлипывают ночью поезда,
и караваны серебристых рыбок
бредут по суше молча в никуда
из ниоткуда. Понедельник зыбок,
зловещ и тёмн, как чужой чердак,
и так же притягателен и страшен.
И всяк своею ролью ошарашен
И силится сыграть её, чудака...

Ангел Вася обитал в сторожке,
Был он рыж, космат, нездешне грустен.
Из осины резал Вася ложки,
А детей искал, как водится, в капусте.

Вёдра звонко на заре гремели,
И воды колодезной прохлада
Обжигала. И пичуги пели:
Доносились голоса из сада.

Время приходило, на окошке
В треснувшем стакане лук сажать,
И вздыхать о лесе, о лукошке.
Думал Вася: «То-то благодать!»

Он с ежом здоровался колючим,
С пчёлами и мухами дружил.
Что зазря скорбеть о неминуем:
Как дышал неслышно, так и жил.

Топал потихоньку по своей дорожке,
Говорил себе: «Ты, Вась, того – держись...»
Под окошком промелькнула кошка,
Быстрая, как жизнь.

Анатолий Щеглов

Анатолий Алексеевич Щеглов родился в 1986 г. в Кировске. Закончил КФ ПетрГУ. Работает в административно - хозяйственном отделе ОАО «Апатит». Член лито «Алаш».

Слова не к месту, шутка невпопад,
Растерянно качаются весы.
Опять не вовремя, никто не виноват.
Молчание и взгляды на часы.
Как мотылёк летел на яркий свет.
А он исчез, предательски погас.
Мне не даёт услышать твой совет
Боль ослеплённых глаз.
Я клеил к веткам павшие листья,
Я снова красил их в зелёный цвет.
Последний вздох отчаянной мечты,
Её прощальный бред.
Сорвало ветром старый циферблат,
Обломки стрелок давят на весы.
По лабиринтам бродят наугад...
Молчание и взгляды на часы

Строки печали на чистом листе,
Линией боли незримое слово...
Мы не чужие, но всё же не те...
Зачем повторять это снова и снова?
Взгляд у порога, стихами мечты,
Имя любимой мелодией сердца,
Вечность мгновенья... глоток пустоты...
Ключик... обломанный, в запертой дверце.
Сказочный замок из свёрнутых гор,
Счастье, сплетенное звёздным узором,
Добрых иллюзий красивый набор
Грусть обнимает холодным простором.
Тихо разрушен волшебный мирок.
Чувства кричат, но исчерпаны строки...
Я оставляю лишь чистый листок,
Ты прочитаешь незримые строки.

Я прощаюсь с тобою, мой враг,
В нашей битве последней ты пал.
В моём сердце давно правит мрак,
Но я смерти твоей не желал.
Ты был сильным и храбрым, как лев.
Я хотел бы тебя воскресить.
Мной не правили зависть и гнев,
Лишь простое желание – жить.

Были силы, наверно, равны,
Но тебя суждено хоронить.
По жестоким законам войны
Твоей жизни обрезана нить.
А ведь ты был такой же солдат.
Был кому-то и дорог, и мил,
И, наверное, знал боль утрат,
Так же верил, сражался, любил.
Что ж, теперь ты ушёл на покой,
Только я этой смерти не рад.
Ты повержен моею рукой,
Я ли в этом скажи виноват?

Когда ты рядом – мир иной,
Он будто прячется под маску.
Перед твоею красотой
Мгновенно блёкнут его краски.
Перед тобою сад из роз
Покажется пустым простором.
Не устоит сиянье звёзд
Перед твоим прелестным взором.
И солнца лучик - как мороз,
Когда твоя улыбка греет.
Нежнее шёлка прядь волос,
И голос - пенья птиц милее...
И в этот раз мудрец не прав,
Что красота калечит душу:

Отзывчивый весёлый нрав
Его закон давно нарушил.
Пусть кто-то скажет это бред,
И мне необходим покой,
Но мы знакомы столько лет,
Тебя я знаю лишь такой.

Одиночки

Нам с тобою делить уже нечего,
Ночь и холод давно на двоих.
Что ж осталось во мне человеческого?
Что же волчьего в мыслях твоих?
Шаг за шагом по насту скрипучему
Выбираем дорогу одну.
В волчьей шкуре - с надеждой на лучшее!
В человеческой - чтоб выть на луну!
Мы вдыхаем с тобой одиночество,
Выдыхая остатки тепла.
Мне бы к людям! Да людям не хочется!
Тебе - в стаю! Да та не взяла!
Что ж делить нам с тобой? Больше нечего!
В этом крае давно мы вдвоём.
Что ж осталось во мне человеческого?
Что же волчье во взгляде твоём?

Глаза похожи на туман,
И мутный взгляд направлен в стену...
Зачем тебе слепой обман?
Ты жизнь пронзаешь, а не вену.
Всего лишь раз - и раб иглы,
И не уйдёшь из плена.
Моли, проси, рыдай, кричи –
Не будет перемены.
И как мираж растает рай,
Сменяясь мукой боли...
Тебя прошу, не обрекай
Себя на жизнь в неволе.

2012 г. Фото Н. В. Смоляка

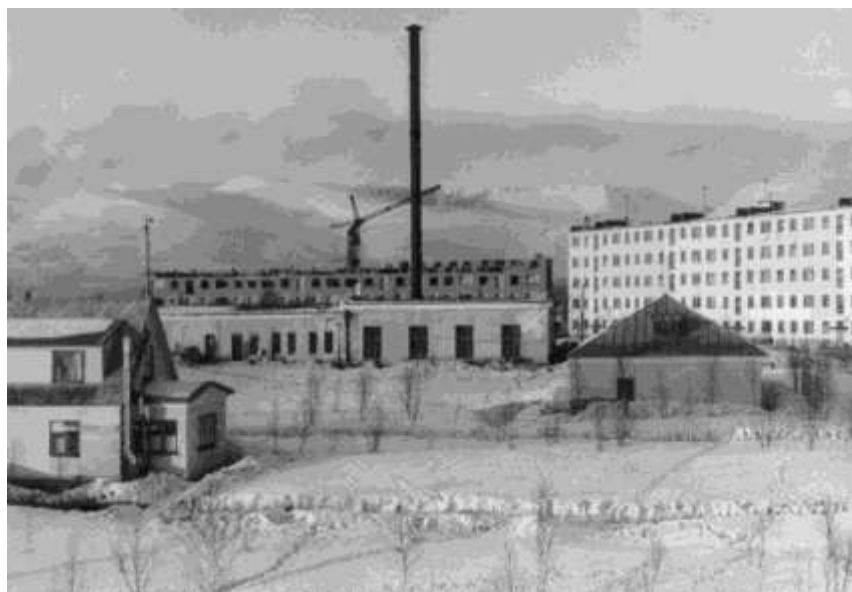
2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Горком КПСС (пл. Ленина, 1). 1964 г. Фото из архива

*Горком КПСС и строящееся здание горисполкома (пл. Ленина, 1).
Фото из архива*

Академгородок. Фото из архива

Новый город. 1959 г. Фото из архива

*Строительство кинотеатра «Полярный» (пл. Ленина, 3). 1965 г.
Фото из архива*

Площадь Ленина. 1972 г. Фото из архива газеты «Дважды два»

*Строительство Дома связи (пл. Ленина, 4а). 1965 г.
Фото из архива*

Дом связи (пл. Ленина,4а). 1967 г. Фото из архива

Строительство девятиэтажного дома (пл. Геологов, 1)

Фото из архива МГРЭ

*Строительство гостиницы «Аметист» (ул. Ленина, 3). 1970 г.
Фото из архива*

Гостиница «Аметист» (ул. Ленина, 3). 2012 г. Фото Н. В. Смоляка

Фото из архива

*Митинг, посвящённый открытию памятника
В. И. Ленину. 3 ноября 1971 г. Фото П. Андропова*

Демонстрация. Фото А. Я. Терехова

Хоккеисты на демонстрации. 1960-е гг. Фото А. Я. Терехова